

СПИСОК ДОНЖУАНОВ

ТАТЬЯНА
ПОЛЯКОВА

авантюрный детектив

Татьяна Викторовна Полякова

Список донжуанов

Серия «Авантюрный детектив»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=123488*

Аннотация

Меня зовут Симона. Мой муж не дает мне развода и грозит убить. Похоже, он не шутит. Иначе как объяснить ночной визит двух молодчиков, которые связали меня и оставили на произвол судьбы в пустой квартире? Как объяснить, что меня столкнули с моста в реку? А мчащаяся прямо на меня машина? А незнакомец с пистолетом в руке? Да я бы давно погибла, если бы не моя слегка чокнутая подружка Марья, да парочка странных типов, которых я зову «Георгий плюс морячок». Но когда убивают моего мужа, а вся эта чертовщина продолжается, тут уж становится не до шуток. Кто же так страстно желает моей смерти? В конце концов, это даже неприлично, тем более у меня совсем другие планы...

Татьяна Полякова

Список донжуанов

– Я тебя убью, – заявил мне супруг на прощание, а я ему не поверила.

Оказалось, зря. Послушать сумасшедшую, что в настоящее время тарасила на меня глаза, так муженек именно это и задумал: укокошить меня. Ни много ни мало. Правда, во мне жила надежда, что эта девица и впрямь сумасшедшая. Однако кое-какие события...

Все началось полгода назад, то есть по-настоящему-то четыре с половиной года, – именно тогда я вышла замуж. За чем, до сих пор не могу понять, добро бы гнал кто или влюбилась без памяти. Ничего подобного.

Познакомились мы в мае (вот оттого, должно быть, я теперь и маюсь), я возвращалась из бассейна, это добрых пять остановок до моего дома. День не задался, настроение так себе, даже бассейн его не улучшил. Троллейбусы выстроились вереницей насколько глаз хватало: в очередной раз отключили электроэнергию, маршрутки брали штурмом, автобусы растворились на просторах города, как всегда в такое время, а тут еще пошел дождь. Сначала мелкий, серенький и холодный, потом грохнуло, небо рассекла огненная стрела, земля вздрагивала от ударов, и дождь хлынул как из ведра.

Я укрылась на автобусной остановке, но все равно вымокла до нитки, замерзла, начала клацать зубами, вводя граждан по соседству в легкий трепет, и в конце концов решила ехать на такси, предварительно проведя ревизию кошелька. Если повстречается хороший человек, до дома хватит, если нет, пробежусь немного – все лучше, чем здесь мерзнуть. Я отважно выскочила на дорогу, махнула рукой, и возле меня остановился «Мерседес». Дверь распахнулась, я юркнула в машину, сжавшись в комок, оттого что все-таки основательно вымокла.

Справедливости ради надо сказать, что в тот момент я не заметила ни марки машины, ни тем более сердобольного водителя. Видеть-то я его видела, но занимал он меня крайне мало, гораздо важней был тот факт, что в кабине оказалось тепло, от меня вроде бы даже пар повалил. Впрочем, это скорее всего преувеличение.

– Замерзли? – поинтересовался мужчина, и я трижды кивнула, одного раза было явно недостаточно, чтобы выразить мои чувства.

Когда сидишь с синими губами, мокрые джинсы противно липнут к ногам, а с волос капает, в голову не приходят романтические мысли, ко мне, по крайней мере, точно. Поэтому я вовсе не пришла в восторг, когда парень решил познакомиться со мной.

– Как вас зовут? – спросил он с улыбкой, а я на всякий случай решила присмотреться к нему.

Выглядел он неплохо. Я бы даже сказала – очень неплохо, и, если б я сама в тот момент не походила на мокрую курицу, выразилась бы еще определеннее: он здорово смахивал на мужчину моей мечты. Тут я обнаружила, что сижу в «Мерседесе», но вовсе не обрадовалась этому, а скорее разозлилась. Парень был при всем параде, а я выглядела на двойку с минусом. Да и на что мне мечта, которая через пять минут растворится за пеленой дождя? Однако на вопрос надо было как-то отвечать, и я ответила:

– Симона. – Именно так назвала меня мама. Не знаю, что ее на это сподвигло. Большое ей за это спасибо. При знакомстве у меня никаких проблем с темой для беседы, стоит только представиться.

Вот и сейчас парень поднял брови, вроде не поверив, переспросил:

– Симона? – И, разумеется, добавил: – Редкое имя. А меня зовут Сергей. Как видите, ничего оригинального.

– Считайте, вам повезло, – заметила я. – Вот здесь остановите, пожалуйста. – Я кивнула на автобусную остановку.

– Где вы живете? – спросил Сергей.

– Тринадцатый дом, – ответила я, извлекая кошелек из сумки.

– Я вас доведу до подъезда. Дождь, – пояснил он, точно извиняясь, и улыбнулся шире: – Денег не надо.

– Как хотите, – нахмурилась я, с новой силой чувствуя себя мокрой курицей и начиная ненавидеть за это Сергея.

Мы въехали во двор и возле моего подъезда влетели правым передним колесом в люк канализационного колодца, который никто не потрудился закрыть. Сергей то ли просто плохо видел, то ли ему мешал дождь, то ли он увлекся разглядыванием моей физиономии. Итог был плачевным: обратиться без посторонней помощи «Мерседес» не смог.

Если бы машина не стоила кучу денег или я в тот миг не была чересчур критична к своей внешности, то смело решила бы: парень сделал это нарочно, но тогда лишь хмуро изрекла:

– Надо было высадить меня на остановке. Что вы намерены делать?

– Ждать, когда кончится дождь, – заявил он. Незаметно было, что происшествие его сильно огорчило.

– Тогда всего доброго, – пожала я плечами, собираясь рвануть в родной подъезд.

– А вы не могли бы проявить сострадание? – весело осведомился парень. Подозрения, что в колодец он попал не случайно, во мне лишь окрепли.

– Надеетесь, что я начну выталкивать вашу машину? – съязвила я.

– Что вы, всего лишь чашка кофе для неудачника.

Хватило бы тогда у меня ума вежливо отказать ему или сообщить, что дома чудовищно ревнивый муж, и никакой головной боли в настоящий момент не было бы, а также скверных перспектив и прочих подобных радостей. Но врать я не стала и отказывать тоже, пожала плечами и кивнула:

– Идемте.

Мы поднялись на второй этаж, я позвонила в дверь, видя, как физиономия парня лишается сияющей улыбки. Не знаю, с чего он взял, что в квартире мы будем одни. В любом случае с иллюзиями надо расставаться легко.

– Мона, – слышался из-за двери мамин голос, – это ты?

– Я, мама, – бодро гаркнула я.

Дверь распахнулась, а физиономия Сергея вытянулась. Так случается всегда, когда люди впервые видят мою маму.

В тот день мама оделась простенько: расшитый золотом халат красного бархата, на голове розовый тюрбан с павлиньим пером, в руках неизменный мундштук такой длины, что он больше походил на копье. Сигарета отсутствовала, мама не так давно бросила курить.

– Здравствуй, радость моя, – пропела мама, пропуская меня в прихожую, и едва не хлопнула парня дверью по носу, потому что видела она неважно, а очки принципиально не носила, решив, что они ее старят.

Мама родила меня в сорок два года. Сейчас определить ее возраст было совершенно невозможно. Я так даже и не пыталась. Главное – успеть привыкнуть к маминскому облику, который постоянно менялся. И дело вовсе не в тряпках или цвете волос, мама первой занялась в нашем городе пластической хирургией и опробовала на себе все достижения в этой области, – должно быть, поэтому ее облик упорно ассоции-

ровался у меня с Майклом Джексонном.

– Мама, это Сергей, – сказала я.

Мама насторожилась и уставилась в пространство. Я легонько подтолкнула парня, а мама улыбнулась:

– Очень приятно. Вы друг моей дочери?

– Пока нет, но надеюсь стать им, – нахально ответил Сергей, но маме это понравилось.

– Ну-ну, – пропела она. – На самом деле Мона несносная девчонка. Хотите кофе?

– С удовольствием.

– Мама, Сергей подвозил меня на машине, на улице страшный дождь, и он угодил в колодец.

– Господи помилуй. Ничего не сломал?

– Машина угодила, – поправилась я. Мама всегда требовала, чтобы я четко выражала свои мысли.

– И что с машиной?

– Стоит под окнами.

– Вы уже знаете, что делать? – обратилась мама к Сергею.

Тот с готовностью кивнул:

– Переждать дождь.

– Разумно. Мона, приведи себя в порядок, а я пока займусь гостем.

Я прошла в ванную и критически уставилась в зеркало. Мог ли человек пожертвовать «Мерседесом», если мои волосы свисают мокрыми прядями, нос слегка покраснел, а губы посинели? Неужто он меня разглядел? А может – про-

сто чокнутый? Я включила душ погорячее и оставила глупые мысли.

К тому моменту, когда я вновь предстала перед Сергеем, мой облик претерпел кое-какие изменения. Я не собиралась потрясать его воображение, чтобы он, чего доброго, не решил, что я хочу ему понравиться. Напротив, в бежевом домашнем платье и с двумя косами я выглядела мило и уютно. По крайней мере я на это рассчитывала. Сергей, увидев меня, заметно поглупел, что в общем-то меня не удивило, особенно если учесть, что к тому моменту мама успела показать ему нашу квартиру. На людей это действует всегда одинаково: они впадают в задумчивость. У нас нет столовой или, к примеру, гостиной – просто комнаты (их пять); четыре соответствуют маминым настроениям, пятая – моя, и маму я туда дальше порога не пускаю, потому что она сразу начинает что-то переставлять и совершенствовать. Одна мамина комната сплошь розовая, шторы с рюшами, мягкие игрушки, салфеточки и цветочки в горшках; вторая черная, вместо люстры четыре гигантские свечи в напольных подсвечниках. В этой комнате хорошо бы смотрелся гроб. Слава богу, мама до этого не додумалась. Третья комната напоминала аквариум, а четвертая – сугроб, в ней сейчас сидел Сергей в компании мамы, пил кофе и непроизвольно ежился.

– Он занятный, – кивнув на него, сообщила мама. – Современные молодые люди по большей части скучны, а этот занятный.

Мама поднялась и выплыла на кухню, где через мгновение чем-то загрохотала. Мама обожала готовить, но зрение в последнее время часто подводило ее.

Сергей вздохнул, покосился в ту сторону и спросил:

– А кто твой отец?

Вопрос, по-моему, к данной ситуации не имел никакого отношения, но я ответила, раз уж ему так интересно:

– Папа умер, когда мне было три месяца. Или четыре. Мама постоянно путает.

– Ага, – кивнул Сергей. – Значит, ты с мамой живешь?

С какой стати он принялся мне тыкать, ума не приложу, но возражать я не стала, раз ему так удобнее, зато сообщила:

– Дождь кончился.

– Что? А... Действительно.

Минут через десять он нас покинул. А еще через пятнадцать выбрался из колодца. В этом я убедилась, выглянув в окно. Через полчаса он позвонил, а на следующий день встретил меня возле университета. Через три дня он рассказал мне историю своей жизни, через пять поклялся в любви, через неделю познакомил с бабушкой (его родители умерли), а через две предложил выйти за него замуж. Всерьез это предложение я не рассматривала до тех самых пор, пока мама, выслушав мой рассказ о происходящем, туманно не изрекла, раскладывая пасьянс:

– Вполне подходяще... Надо же когда-нибудь начинать.

– Что? – насторожилась я.

– Что «что»? – переспросила мама, оторвав взгляд от карт.

– Что начинать?

– Жить, разумеется.

– А что, по-твоему, я делаю сейчас?

– Сейчас у тебя не жизнь, а сплошное ребячество. Иди замуж. Сергей вполне для этого годится. Богат, ни жены, ни детей, самостоятелен, свекрови и той не будет. Поверь, это большая удача. Он старше тебя на восемь лет – не много и не мало. В общем, в самый раз. И я отдохну от забот, – добавила мама. – Иди замуж, Мона.

И я пошла. Смена фамилии не повлекла за собой особых перемен в моей жизни. Правда, я переехала в новую квартиру, по площади равную пяти маминым, хотя и мамина казалась мне чересчур большой. Я попробовала сама управлять по хозяйству, но кончилось тем, что мы взяли домработницу. Днем, после университета, я бежала в бассейн, затем возвращалась домой и ждала Сергея с работы. Работал он много, дома появлялся около восьми, обычно вез меня в ресторан, где мы и ужинали. В выходные, как правило, мы куда-нибудь отправлялись, чаще всего на природу. Лето сменяла осень, осень – зима, жизнь двигалась стремительно и, на мой взгляд, без особого толка. Но Сергей считал иначе, а так как у меня просто не было повода выражать недовольство, то я с ним соглашалась.

Думаю, мы были образцовой парой. Случались, правда, редкие ссоры, в основном из-за моих подруг. Сергей считал,

что я слишком много времени провожу с ними. Я принимала покаянный вид, хотя в душе была с ним не согласна. Прежде всего, не так уж много времени я им уделяла, а потом, с кем же мне еще проводить досуг, если муж постоянно на работе?

Первая серьезная ссора произошла по окончании мною университета. Сергей и слышать не желал о том, что я пойду работать. Спрашивается, для чего ж я пять лет училась? С моей точки зрения, логика у мужа отсутствовала начисто. Но у него и тут было свое мнение. Он заговорил о детях, о тихой пристани, каковой виделась ему наша семья, и о прочем в том же духе. Картинка, нарисованная им, не показалась мне особенно привлекательной, но я честно пыталась соответствовать и даже научилась варить борщ и вышивать крестиком. На это ушло еще четыре месяца нашей совместной жизни.

И вот однажды дождливым мартовским днем мне позволил муж. Как всегда, он справился о моем самочувствии, поинтересовался, чем я занята, и сообщил между делом, что у него совещание, которое продлится часов до семи, поэтому он, скорее всего, задержится. Повесив трубку, я вспомнила, что не спросила у него про деньги. Дело в том, что именно в тот день мне надлежало заплатить за теннис (теперь я и в теннис еще играла; а что делать, если времени – пруд пруди), но денег в шкатулке, где я их обычно брала, не оказалось, что несколько меня удивило. Я считала шкатулку неиссякаемым источником.

Чертыхнувшись, я задумчиво набрала номер мужа. Его секретарша, не узнав меня, так как я по рабочему телефону звонила редко, поведала, что «Сергея Ивановича сегодня не будет». Я извинилась, положила трубку и задумалась еще больше. Ситуация показалась мне странной, хотя в тот момент я была далека от подозрений и просто перезвонила мужу на мобильный. Он заверил, что свяжется с клубом и уладит вопрос, извинился, что забыл про деньги, и пообещал вернуться домой сразу после совещания, ни секунды не задерживаясь. Теперь ответ секретарши виделся мне так: Сергей не хочет, чтобы его отвлекали от важных дел, вот она и говорит, что на рабочем месте он отсутствует. Я спустилась в гараж за своей машиной, но в ней не оказалось бензина. Хорошо, что я заметила это почти сразу, оставила ее в гараже, а в клуб поехала на такси.

В общем, к открытию меня привела череда случайностей. Мы выезжали на Садовую, когда впереди я увидела машину мужа. Допустить, что он ее кому-то доверил, я не могла: он только что сменил «Мерседес» на «Лексус» и трясся над ней, точно над младенцем. В том, что муж никогда не врет и в настоящее время проводит совещание, я ничуть не сомневалась, поэтому избрала третий вариант. Нашу красавицу попросту угнали, поэтому я попросила таксиста поднажать, а сама позвонила Сергею.

– Где твоя машина? – пролепетала я.

– А в чем дело? – перепугался он.

– Ты на совещании?

– Разумеется.

– А машина на Садовой.

– Не может быть. А ты где?

– Еду за ней.

– Но я тебя не вижу, – ляпнул он, что в общем-то не было удивительно. С моей точки зрения, муж умом не блистал, хоть и умудрился заработать миллион.

– Как ты меня можешь видеть, если ты сидишь в своем офисе? – ответила я вопросом на вопрос.

Супруг заметался по городу. По тому, как судорожно передвигался «Лексус», стало ясно, что за рулем сидит Сергей, а на сердце его печаль или что-то похуже: блондинка или брюнетка в соседнем кресле. Признаться, в тот момент мне было смешно, ситуация просто анекдотическая. Он пытался уйти, да беда в том, что даже не догадывался, от кого надо удирать. Я бы на его месте свернула в старый город и здесь, на тихих улочках, где движения практически никакого, быстренько засекала старенький «Вольво», на котором я в настоящий момент передвигалась за ним. Но супруг точно ополоумел, несся по городу, пытаюсь оторваться, нарушая правила и не реагируя на светофоры. В конце концов ему это удалось, он скрылся с глаз, к крайней досаде водителя «Вольво», который оказался человеком азартным. А через двадцать минут муж уже бодро рапортовал:

– Солнышко, машина стоит под окнами, ты ничего не пу-

таешь?

Хоть бы головой подумал, чего тут путать, если его «Лексус» один такой во всем городе? И зрение у меня хорошее, да и память неплохая, то есть номер машины мужа я вполне способна запомнить.

Я попросила таксиста остановиться возле универмага и задумчиво изрекла:

– Мне кажется, муж мне изменяет.

– Необязательно, – отозвался водитель, – всякое бывает.

Вот я однажды...

Далее последовал рассказ минут на пятнадцать. Выслушав дядьку, я поняла, что он ничуть не умнее моего мужа, достала из кошелька последние сто рублей и протянула ему.

– Извините за хлопоты. Больше денег у меня нет, но, если хотите заработать, приезжайте завтра в девять утра на Лебяжью, дом пять. Я там живу.

– Зачем приезжать? – насторожился он.

– Мужа ловить будем. Двести баксов в день. Подойдет?

Дядька хлопнул ресницами и спросил:

– Зачем его ловить?

– Чтобы поймать, – вздохнула я и пошла бродить по городу, строя планы грядущей военной кампании, пребывая в подозрительно хорошем настроении и гадая: явится дядька или нет?

Дядька явился за пятнадцать минут до указанного времени и едва все не испортил, чуть не столкнувшись с отъезжа-

ющим на работу мужем.

Надо сказать, что совещание накануне закончилось рано, потому что уже в 18.15 муж был дома и звонил мне с намерением выяснить, где я. Я была неподалеку, объяснила, что возвращаюсь пешком, потому что не имею денег на такси. Муж бросился навстречу. Мы разминулись и с трудом нашлись, а когда сие свершилось, Сергей нервно начал пританцовывать рядом и первым делом заявил, что я его очень напугала. С чего это я вообще решила, что видела его машину? Я напустила в глаза задумчивости и после длительных размышлений изрекла:

– Мне показалось, что это она.

Вечером мы остались дома, Сергей был ласков более обыкновенного, упоминаний о машине избегал и первым делом заполнил шкатулку деньгами.

А в девять утра я начала охоту за ним. Дядька, звали его Николай Васильевич, выглядел хмурым и даже несчастным. Пришлось показать ему двести баксов. Он повеселел, но день не задался, в том смысле, чтобы порадовать результатом. Дядька внял голосу разума и за «пустые» дни брал по сто баксов.

В выходные мы с мужем отправились к друзьям, где чудно провели время. Я поведала ему о своей любви, он был счастлив. По крайней мере раз двадцать сказал об этом к месту и не к месту, провозгласил тост за самую прекрасную женщину и полез целоваться. Словом, совершенно успокоился,

оттого, наверное, и предпринял уже во вторник очередную вылазку.

В 16.30 он покинул офис, подъехал к зданию на Гончарной, откуда тут же выпорхнула девица в джинсах. Николай Васильевич посмотрел на нее и изрек:

– Он спятил.

– Я тоже так думаю, – согласилась я, но врала, потому что своими мыслями на этот счет делиться не хотела.

Муж повез подружку в панельный дом на улицу Кирова, где пробыл один час двадцать минут. На следующий день я вооружилась фотоаппаратом и уже практически с ним не расставалась.

Вскоре выяснилось, что жизнь мужа чрезвычайно насыщена женщинами, хотя и довольно однообразна. Он часто посещал сауны, боулинг и казино, умудряясь максимум в девять быть дома. Когда он наживал свои миллионы, оставалось только гадать.

Через месяц у меня набрался солидный альбом фотографий, который я соответственно оформила: проставила даты и места встреч, а также адреса, где состоялись свидания. Получилось красиво.

Надо признать, что я была занята в то время не только альбомом. Я отремонтировала бабушкину квартиру, которая досталась мне по наследству и которая лет двенадцать пустовала, потому что у мамы не доходили до нее руки. Чувствуя за собой вину и, должно быть, стыдясь, муж охотно снабжал

меня деньгами, не спрашивая, куда я их трачу. А я, чтобы не зародить в его душе сомнений, время от времени сообщала то о новой шубе, то о новом колечке с сережками. Муж радовался. При этом он совершенно был не в состоянии отличить старую шубу от новой, когда я хвалилась покупками. Однажды я сунула ему под нос кольцо, которое он подарил мне на свадьбу.

– А у тебя не было похожего? – робко спросил он.

– Будет пара. Сейчас модно.

Сергей вновь настойчиво заговорил о ребенке, но к тому моменту компромат был собран, ремонт в квартире закончен и деньги на первое время отложены. Все это позволило мне покинуть квартиру налегке. Я перевезла кое-какие вещи и позвонила мужу.

– Сережа, я ухожу. Ключи оставила на кухне, ключ от моей машины висит в гараже на гвоздике, документы на машину в секретере.

– Куда ты уходишь? – не понял он.

– Пока не знаю. Вряд ли я буду жить у мамы.

– Подожди, я ничего не понял, – забеспокоился он.

– Я от тебя ухожу, – терпеливо повторила я. Лучше от этого не стало, вместо одного вопроса он задал десяток. Пришлось объяснить. – Ты меня давно не любишь, изменяешь мне с двенадцатью девушками одновременно. Мне это не нравится, и я ухожу.

– Ты что, с ума сошла? – возопил он.

– Нет. Я бы сошла с ума, если бы осталась. Прощай.

Я повесила трубку и поехала к маме.

– Я развожусь с мужем, – сообщила я ей от порога.

– Мне он никогда особенно не нравился, – отозвалась мама.

– Да? А кто мне советовал выйти за него замуж?

– Ты отлично устроилась, закончила учебу, приобрела опыт семейной жизни. Разве нет? – На это мне возразить было нечего. – Мне тогда постоянно тревожные сны снились, – продолжила мама, тяжело вздохнув. – Будто ты выскочила замуж за нищего лейтенантика, совсем как я в молодости. Он увез тебя в какую-то Тмутаракань, ты носила воду из колодца, топила печку... а ребеночек-то как надрывался... По-моему, у него была грыжа.

– Какой ребеночек?

– Мой внук, естественно. Или внучка. Во сне об этом ни слова. Я чуть с ума не сошла. Слава богу, тут подвернулся этот тип, твой муж.

– Он мне изменял.

– Все мужчины мерзавцы. Разве я тебе не говорила? Ты очень расстроена?

– Не очень, – честно ответила я.

– Вот видишь, – обрадовалась мама. – Представь, что ты вышла не за Сергея, а за молодого человека, которого любила, а он тебе изменил. Ты бы сейчас места себе не находила, возможно, помышляла бы о самоубийстве, совсем как я

в молодости, когда твой отец меня бросил.

– Он же умер?

– Умер. Но сначала бросил. Короче, тебе повезло, – заключила мама.

– Да я и не спорю, – пожала я плечами.

Тут в дверь позвонили, и мы немного занервничали, потому что стало ясно: это мой муж.

– Тебе ни к чему с ним встречаться, – сказала мама, я кивнула и сунула ей в руки альбом. – Это что такое?

– Компромат. Чтоб не вздумал отнекиваться.

– Я должна сейчас его отдать? Мне же интересно взглянуть.

– У меня есть второй экземпляр, – заверила я ее и укрылась в своей комнате.

Дальше порога Сергея не пустили.

– Молодой человек, вы мерзавец и обманщик, – заявила мама, вручила ему альбом и добавила: – Чтобы ноги вашей не было в моем доме... – И захлопнула дверь.

Сергей предпринял героические усилия, чтобы связаться со мной, ряд его попыток увенчался успехом. К примеру, на второй день он смог до меня до-звониться из-за некоторой потери бдительности с моей стороны.

– Ты что, с ума сошла? – начал он весьма эмоционально.

– Нет, – ответила я, потому что признаков сумасшествия у себя не наблюдала.

– Что ты вытворяешь? Тебе не стыдно? Ты за мной шпи-

онила. Какая гадость.

– Это точно, – согласилась я. – Шпионить – гадость, согласна, а изменять жене – это что, по-твоему?

– Люди из-за этого не разводятся.

– А я не из-за этого. Я из-за того, что муж меня больше не любит.

– Ерунда какая. Я тебя люблю. Даже больше, чем в день нашей свадьбы, если хочешь знать.

– Тогда я вовсе ничего не понимаю.

– А что тут понимать? – взревел он медведем.

– Зачем тебе все эти девушки? – проявила я интерес, потому что разговор против воли увлек меня.

– Это не девушки, – рявкнул муж, – это шлюхи!

– Какая разница, – не поняла я.

– Это не имеет к тебе никакого отношения, – поставил меня в тупик супруг очередным ответом.

Через неделю мы встретились в присутствии моей мамы. Мама Сергея принципиально игнорировала и даже села к нему спиной. Муж просил меня вернуться и предпринял попытку встать на колени, чему я воспротивилась, а мама так просто заявила: «Шут гороховый», отбив у него охоту к спецэффектам. На мой настойчивый вопрос: «Если у нас любовь, при чем здесь девушки?» – он отвечал невразумительно, часто сбивался на фразу «все так живут», обещал впредь хранить мне верность до гроба, но выглядел при этом неубедительно.

– Лицемер, – сказала мама, и я с ней согласилась.

После этой встречи жизнь моя стала чрезвычайно насыщенной. Я перешла на осадное положение. Через две недели мы встретились вновь. Я надеялась, что Сергей согласится на развод, но надежды были напрасны. Он настоял, чтобы я была одна, «без своей сумасшедшей мамы», как он выразился, а я настояла на том, чтобы встреча произошла в кафе, дабы муж держал себя в руках и не занимался ерундой (его попытка бухнуться на колени слегка меня разволновала). Итак, мы встретились, и в первые же пять минут я лишь укрепилась в своем решении развестись с ним раз и навсегда.

– Ты чокнутая, – начал он возмущенно. – Чего тебе не хватает, скажи на милость?

Я растерялась. Ответить на этот вопрос было не так легко. Если честно, мне всего хватало, даже с избытком, но развестись захотелось еще больше.

– Мы говорим не о том, чего мне хватало или нет, а о твоих изменах, – скромно сообщила я.

– Это не измены, – заявил он, в очередной раз вызвав мое беспокойство за его разум. – Измена – это когда заводят любовницу, когда любят другого человека, понимаешь? А я люблю только тебя.

– Хорошо, – кивнула я, пытаясь приноровиться к его логике. – Тогда я продолжу любить тебя, но жить буду с кем-нибудь другим.

– Не говори глупостей, – отрезал он, что меня не удивило,

потому что в самом деле глупость: кто ж на такое согласится? – Солнышко, – взяв мою руку, начал он ласково, – я тебе сто раз говорил: нам надо завести детей. Если бы у нас были дети, ничего подобного не произошло бы. У тебя слишком много свободного времени, а так ты бы занималась детишками.

– А ты бы чем занимался? – не удержалась я.

– Я бы деньги зарабатывал, – пошел он пятнами.

– Я тоже хочу зарабатывать деньги, – вздохнула я. – Я не люблю готовить и ненавижу вышивать крестиком. Ты не на той женился. Давай разойдемся по-хорошему. Я подарю тебе альбом, а ты оставишь меня в покое.

– Ах вот как, – протянул муж. – Хорошо. Посмотрим, как ты будешь жить с мамашей на ее полтысячи баксов в месяц. Готовься всю жизнь ходить в одной шубе. Или ты думаешь, что получишь от меня хоть копейку? Ничего подобного...

Он говорил долго, все больше увлекаясь, а я подумала, что разводиться с мужем довольно полезно: видишь качества характера, ранее для тебя неведомые.

Если честно, было немного стыдно, потому что в тот момент я поняла, что никогда – ни в день свадьбы, ни до, ни после – его не любила и замуж пошла... бог его знает почему.

– Сережа, мне ничего не надо, – покаянно сказала я. – Правда. Давай просто разведемся.

– Отлично. Посмотрим, что ты запоешь через месяц, нет, через два.

Следующие два месяца стали лучшими в моей жизни. Впервые за долгое время я не гадала, чем себя занять, потому что свободного времени у меня попросту не было. Первым делом я устроилась на работу. Работа мне нравилась. Моим шефом была моя подруга, коллектив прекрасный, и вообще жизнь радовала. Одно плохо: где-то на границе сознания маячил и беспокоил смутный образ мужа, хотя сам Сергей целый месяц не давал о себе знать. Через месяц, как-то задержавшись на работе дольше обычного, я припустилась за троллейбусом, отчаянно размахивая руками, чтобы меня заметили. Тут раздался автомобильный сигнал, и, обернувшись, я увидела машину мужа. Сергей вышел и молча распахнул передо мной дверь, пришлось сесть.

– Тебя домой? – спросил он хмуро.

– Ага, – кашлянула я. К тому моменту я уже переселилась в бабушкину квартиру. Оказалось, Сергей знал об этом.

– Ты что, меня совсем не любишь? – спросил он несколько не к месту.

Я его не любила. Совсем. Сказать правду – равносильно признать свою вину. В самом деле, зачем замуж шла, голову человеку морочила? Скажите на милость, какая женщина признает себя виноватой? Поэтому я решила придерживаться прежней версии: измена мужа и невозможность ее простить.

– У нас с тобой разные взгляды на совместную жизнь, –

вздохнула я. – Мне никогда не понять, как можно любить кого-то и обманывать его. Не понять, и все.

– Хорошо, понять ты не можешь, – вздохнул муж, – а простить?

Вышло это у него очень трогательно. В самом деле казалось, что мое прощение для него очень важно, возможно, в тот момент он и сам в это верил. Мне было жаль его, так жаль, что плакать хотелось, но я подумала, что если дам волю своим чувствам, то завтра вновь начну готовить борщ и вышивать крестом, а главное, всю жизнь проживу с человеком, которого не люблю.

Это подействовало. Я собралась с силами и ответила:

– У меня не получится. Ты зарабатываешь деньги и живешь так, как считаешь правильным, и в самом деле не видишь во всем этом ничего плохого, а для меня это предательство. И тут уж, как говорится, ничего не поделаешь.

Мы как раз подъехали к моему дому, и это позволило мне спешно ретироваться.

Прошел еще месяц, и Сергей вновь возник в моей жизни. Позвонил, спросил разрешения заехать и явился через десять минут после этого. Я надеялась, что глупые мысли о совместной жизни он оставил и пришел поговорить о разводе. Не тут-то было. Надо сказать, выглядел он скверно, не то чтобы больным, а скорее каким-то потерянным и даже жалким, что уж вовсе никуда не годилось.

Я напоила его чаем и спросила о делах. Он проигнориро-

вал вопрос, взглянул на меня с печалью и вздохнул:

– Ладно, ты доказала, что отлично можешь жить без меня. И без моих денег тоже. Я все понял. И осознал. Возвращайся, хватит дурака валять. У меня из рук все валится, тоска такая... Хочешь работать – работай, и вообще... все эти бабы... ты же понимаешь, просто такой стиль жизни, я даже не думал... я тебе клянусь, больше никогда... поедem домой...

Ух ты, господи, что же делать-то? Постную мину – это во-первых, во-вторых, надо придумать что-то жалостливое. Как назло, ничего подходящего на ум не шло.

– У нас не получится, – испуганно произнесла я. – Мы просто теряем время.

Тут Сергей уставился на меня сначала с печалью, потом с душевной болью, а потом со злостью и изрек:

– Ты меня никогда не любила. Никогда. И только рада от меня избавиться.

Скажите, какая пронизательность.

– Вот и пошли меня к черту, – разозлилась я. – На свете полно женщин, которые варят борщ лучше и любят вышивать крестиком.

– Знаешь, кто ты? – перешел он на зловещий шепот. – Ты дрянь, лживая, хитрая дрянь.

– Ну и ладно, – кивнула я. – Раз тебе так удобней... Разведись со мной.

– У тебя кто-то есть? Я ведь все равно узнаю. Я ему башку оторву.

– Ради бога, только у меня никого нет. Давай разведемся.

И тут муж повел себя совсем не как джентльмен, сунул мне под нос кукиш и сообщил:

– Вот тебе, а не развод. Я тебя в психушку отправлю, я тебя... Не хочешь жить со мной, готовь себя в монахини.

– Будем надеяться, что тебе это когда-нибудь надоест и ты оставишь меня в покое. На худой конец, я могу уехать из этого города.

Он зажмурился, собираясь с силами, и вот тогда-то выпал:

– Я тебя убью.

– За это в тюрьму сажают, – напомнила я. – Скажи на милость, что тебе там делать?

Он стремительно покинул мою квартиру, хлопнув дверью.

– Ерунда, – сказала мама, выслушав мой рассказ. – Твой отец раз двадцать грозил мне тем же. И что?

– Папа хотел тебя убить? – насторожилась я, это как-то не вязалось с обликом родителя, который мама успела создать за долгие годы. – За что?

– Ах, дорогая, все мужчины сумасшедшие и всегда найдут повод сморозить глупость. Не обращай внимания. Он успокоится и даст тебе развод. Куда ему деться?

Однако супруг не только не успокоился, он начал военные действия. В понедельник я пришла на работу, и тут же Элька, подруга и шеф по совместительству, вызвала меня к себе.

– Мона, – сказала она. Не помню, чтобы хоть одна душа

потрудилась называть меня полным именем, Элька так даже не пыталась, – я думаю, тебе есть смысл отправиться в отпуск.

– Какой отпуск? – не поняла я. – Я работаю всего два месяца.

– И уже отлично себя зарекомендовала, – кивнула она. – Поэтому мне удалось уговорить руководство не увольнять тебя, а на время отправить в отпуск.

– На какое время? – пребывая в прострации, проявила я любопытство.

– На неопределенное.

– Да с какой стати?

– Мона, твой муж предпринял ряд шагов...

– При чем здесь мой муж?

– В нем-то как раз все дело. Он хочет, чтобы тебя уволили.

– Какое отношение мой муж имеет к нашей компании?

– К компании никакой. Но в городе он... вижу, ты мало интересовалась делами мужа. Я права?

– Ну... – пожала я плечами. – У него фирма, и он богатый человек...

– Негусто, – вынесла вердикт Элька и просветила меня. Лучше бы ей этого не делать. В добавление ко всем моим несчастьям выяснилось, что муж у меня тип с криминальным прошлым. Жулик, одним словом. Правда, фирма у него настоящая, но это ничего не меняет.

– Господи, – простонала я, а Элька принялась сочувствовать:

– Ты правда не знала? Ну надо же. А я еще гадала, чего это ты за него замуж поперлась.

– Слушай, он обещал меня убить, – забеспокоилась я. Все бандиты, которых я видела в кино, были скоры на расправу.

– Брешет. Из-за любви давно не убивают, только из-за денег. Ты ведь у него денег не требуешь?

– Не требую.

– Тогда живи спокойно.

Ей хорошо говорить, а что мне делать без работы? Сидеть в четырех стенах, теперь еще и без денег? Вот уж счастье. К мужу вернуться и то веселей. «Надо полагать, он этого и добивается», – озарило меня, и я решила быть стойкой.

С Элькой мы договорились, что некоторое время я поработаю на дому, таким образом и волки будут сыты, и овцы целы. Это мы так думали, но у муженька на этот счет было свое мнение.

На следующий день я вышла из дома и смогла убедиться, что у моих «Жигулей» (деньги на машину я одолжила у мамы) спущены все четыре колеса, кто-то не поленился их продырявить. Неужто сам Сергей? Я уже видела мысленным взором, как он в дорогом костюме и белоснежной рубашке орудует гвоздем. Впрочем, теперь-то выяснилось, что самому орудовать необязательно.

Я огорчилась, потом позвонила в автосервис, и пробле-

ма с колесами была решена, но это оказалось лишь началом. Поздно вечером мне позвонили по телефону, и грубый мужской голос заявил:

– Вернись к мужу, или головы лишишься.

Муженек точно ее где-то потерял, кто ж так жену домой возвращает?

– Идиот, – ответила я и бросила трубку, но занервничала.

Ночью позвонили еще трижды, и каждый раз угрозы становились все красочнее. Я подумала и позвонила сама, мужу я имею в виду, но, должно быть, выбрала неудачное время.

– Это только начало, – лаконично сообщил он, не желая прислушаться к голосу разума. Я подумала, что надо переехать к маме, но проблему это не решит, лишь подвергнет мамину нервную систему серьезному испытанию.

В девять утра я пила кофе на кухне, когда в дверь позвонили. На всякий случай я уставилась в «глазок» и увидела веснушчатую девицу в джинсовой куртке и косынке. Она тарщила глаза и нервно кусала губы. Встретаться ранее нам не доводилось, но от девиц ничего опасного не ожидалось, и я открыла дверь.

– Вы Симона? – спросила она, вытаращив глаза еще больше. – Симона Вячеславовна Алексина?

– Да.

– Я пройду, – заявила девица, вошла, закрыла дверь и привалилась к ней спиной, прижимая к груди тетрадь в красной обложке. Девушку слегка потрясывало, и вообще она выгля-

дела немного нездоровой, я имею в виду душевное здоровье. Я пожалела, что открыла дверь.

– Вы, собственно, по какому вопросу? – забеспокоилась я, и тут она выдала:

– Ваш муж собирается вас убить, я это слышала собственными ушами. – Она стащила косынку, должно быть, для того, чтобы продемонстрировать, что уши у нее точно есть. Они и были, большие, оттопыренные и тоже веснушчатые.

– Я тоже слышала, – пожалала я плечами. – Но ведь это чепуха. Не может же он в самом деле меня убить?

– Еще как может, – комкая косынку, не унималась девица. – Ведь он совершенный зверь.

Хоть я мужа и не любила, а теперь даже опасалась, но с определением «зверь» была все-таки не согласна. На самом деле он довольно милый и покладистый парень, по крайней мере до недавнего времени он уступал мне охотно и даже с удовольствием.

– Не выдумывайте, – осадил я ее и вдруг вспомнила Элькины рассказы. А что, если не милый и не покладистый, а искусный притворщик?

– Это вы мне говорите? – возмутилась девица. – Да я знаю этого мерзавца как облупленного. Я потратила на него лучшие годы своей жизни.

Я нахмурилась, приглядываясь к ней. На вид ей было лет двадцать, ну, может, чуть больше, потому заявление о потраченных годах показалось мне явным преувеличением.

– Чего вы от меня хотите? – совершенно растерялась я.

– Как чего? – удивилась девица. – Перед лицом опасности мы должны объединиться.

– Вас он тоже хочет убить? – догадалась я.

– Убил бы с удовольствием, уж можете мне поверить, просто я не такая дура, чтобы ему это позволить.

– Вас не было в альбоме, – подумав, сказала я.

– В альбоме? – не поняла девушка. Пришлось объяснить. – Вы поймали его с поличным? Здорово! – К тому моменту она как-то незаметно дошла до кухни и даже устроилась там в кресле возле окна. Вдруг вскочила и пересела на стул. – На всякий случай, – пояснила торопливо, – вдруг следит.

– Кто за вами следит? Мой муж?

– Объясняю еще раз: он решил вас убить. А у такого парня слово с делом не расходится. Все, кто с вами в контакте, подвергаются опасности. Я, к примеру. Приходить к вам было рискованно, но не могу же я стоять в стороне, раз в заповеди сказано: «Не убий». И если ты сам не убиваешь, а просто стоишь рядом и помалкиваешь, так это ничего не меняет. Я готова пострадать за правду. Как первые христиане. Вы в бога верите?

– Не знаю, – растерялась я. – Не думала об этом.

– Да вы с ума сошли, как это о боге не думать? Особенно когда вас собираются убить. У вас теперь все надежды на господу, так что начинайте верить немедленно.

– Хорошо, начну, – согласилась я, стараясь ни в чем девице не перечить, потому что к тому моменту была убеждена: она и впрямь сумасшедшая.

– Вот я вам тетрадку принесла, – продолжила она, оторвала тетрадь от груди и положила на стол. – Здесь молитвы на все случаи жизни. От убийц и грабителей я красным фломастером пометила, видите?

Я заглянула в тетрадь, почерк у девицы оказался на редкость красивым и разборчивым, да и оформлена тетрадь была с любовью.

– Это я в монастыре от нечего делать, – вздохнула она, – телика нет, а книжки читать я не люблю, читаю только божественные, ну еще про сирот или каких-нибудь инвалидов. Одному человеку отрезало руку...

– Подождите, – заволновалась я. – Дело в том, что я собиралась уходить. Вы застали меня совершенно случайно. Если честно, у меня совсем нет времени и...

– Я могу подождать, – сказала девушка, – у меня полно времени. Идите по своим делам, а я тут у вас пока похлопочу по хозяйству. Господь учит помогать ближним. Я хорошо готовлю, хотите жареной картошки?

– У меня нет картошки.

– Жаль. Очень есть хочется. Я сутки ничего не ела. Если бы в пост, то хоть в пользу, а так за что страдаю? Если вам не трудно, покормите меня ради Христа. – Тут она вскочила и торопливо поклонилась.

– Ну, хорошо, – пожала я плечами и стала готовить завтрак, а девица читать вслух молитвы.

– Перед принятием пищи обязательно надо молиться. И после. Здесь у меня зеленым фломастером подчеркнуто.

– Вас как зовут? – поинтересовалась я со вздохом, поняв, что быстро от нее не избавишься.

– Мария. Как Богородицу. Вот мамка-то угодила. – Она опять вскочила, поклонилась чуть ли не до пола и сказала нараспев: – Мария Никитична Лукина.

– Очень приятно, – кашлянула я, помешивая кашу в кастрюльке. – А как давно вы знакомы с моим мужем? С бывшим, я хотела сказать.

– Да я его всю жизнь знаю, класса с третьего. А уж любила как... Он во двор выйдет, а у меня сердце в пятки. А когда на гитаре играл...

– Мой муж играет на гитаре? – не поверила я. По моему глубокому убеждению, медведь отдал ему оба уха.

– А то... не часто, но иногда играл. Никому не нравилось, а я прямо сама не своя, встану в сторонке, глаза зажмурю и слушаю, слушаю. Конечно, он по моему малолетству внимания мне не уделял, зато я каждую свободную минуту посвящала ему.

– Вы в одном дворе жили? – озарило меня.

– Ага. Но недолго. Он-то вырос быстро, я еще в восьмом классе училась, а он сначала тачку купил, потом квартиру и съехал. Правда, к родителям иногда заезжал, потом они

умерли, и мне вовсе жизни не стало. Я школу бросила и пошла к нему в курьеры. Еще брат не хотел, мерзавец, но я сказала: батя пьет, а мамке не до меня, надо работать. Договорились, что по вечерам трудиться буду, а днем в школе. Все-таки не совсем его душа потеряна для бога, – заявила она. – Способен иногда на благородный поступок.

– И что было дальше?

– Школу я закончила, стала у него в офисе работать, потому что совершенно не видела смысла жизни без Сергея. А он со мной как с малым ребенком разговаривал. Я поняла: надо брать инициативу в свои руки. Тут как раз была вечеринка перед Новым годом, я выпила для храбрости и соблазнила его. Правда, пришлось его как следует напоить.

– А это не противоречит заповедям? – забеспокоилась я.

– Еще как, но тогда я не нашла своей дороги и грешила. В чем теперь раскаиваюсь. Батюшка этот грех мне еще три года назад отпустил, так что он теперь не считается. В общем, мы стали любовниками, но он меня ничуть не любил, без конца увиливал, когда я его о чувствах спрашивала, потом решил меня подкупить. Я, говорит, тебе квартиру куплю, двухкомнатную, только ты отстань от меня. Я разозлилась, а он мне: я бы тебя убил, не будь ты такой дурой, к тому же в одном доме жили, и хоть ты последняя идиотка, но тебя все-таки жалко. По-хорошему, говорит, прошу: отстань от меня. И должность мне нашел у своего друга. Двести баксов – не кот чихнул, а всех делов, что на телефоне сидеть.

– Вы согласились?

– Наотрез отказалась. Так он, мерзавец, перестал меня замечать. Ходит мимо, точно я стена какая. Долго я страдала, но однажды все же прорвалась к нему. А он мне: так, мол, и так, я женюсь. Конечно, я расстроилась, каково такое слышать влюбленному сердцу? Но я его поняла, потому что он поклялся, что любит вас больше жизни. И я наступила на горло собственной песне и ради его счастья дала свое согласие. Тяжело это было. Вот тогда и состоялась радостная встреча с одной богобоязненной старушкой, которая и привела меня в храм. Там я нашла истинное утешение. Молилась за вас, потому что господь сказал: прощайте врагам вашим, а вы мне даже и не враг, раз ничегошеньки обо мне не знали. Шли годы, то есть по-настоящему прошел всего один год, как вдруг звонит этот гад моему гаду, то есть моему новому шефу, ваш-то просил меня уйти, как только женился, и я ушла, сжав сердце в твердый кулак. Так вот, звонит этот гад и договаривается ехать в сауну. Ну, сауна так сауна. И тут я такое слышу... Крепитесь: ваш муж проводил время с женщинами легкого поведения.

– Да я знаю, – напомнила я, – у меня их целый альбом.

– Ага, – кивнула Марья, – тем лучше в смысле переживаний, не стоит о нем убиваться.

– Я не убиваюсь, мне бы только развестись с ним. Вы дальше рассказывайте.

– Так вот, как узнала я, что он по девкам шастает, взыг-

рало во мне сердце, это что же выходит: не любит он вас, врет как распоследний... Короче, я решила с ним поговорить: так, мол, и так, если жену любишь, чего же по девкам бегаешь, а если не любишь, с какой такой стати пудрил мне мозги? Но поговорить с ним мне не удалось. Он от меня прятался, и в этом было провидение божие, потому что так я узнала, что супостат готовится лишить вас жизни.

– Нельзя ли об этом чуточку подробнее? – попросила я.

– Можно, – с готовностью кивнула Марья. – Звонит он в очередной раз моему гаду и говорит: «Мона от меня к мамаше сбежала и собирается разводиться», а мой-то гад ему в ответ: «Повезло». Но ваш жалобно так причитать начал, что совсем не повезло и даже напротив. Любит он вас, видите ли. И хватает у людей совести болтать такое, когда он всех своих шлюх по именам не помнит. Мой гад стал его утешать: никуда, говорит, не денется, посидит недельку без денег и сама прибежит. И опять в сауну намылились. Чувствуете, какое коварство? Любит он вас, как же, а дурные привычки бросать не желает. Каждый день он звонил и жаловался, а мой его утешал. И вдруг ваш точно с цепи сорвался. Убью, говорит, я ее. Никогда она, говорит, меня не любила и только рада от меня избавиться, и никакими деньгами ее не удержишь. Мой-то хоть и гад, но человек благоразумный, и говорит ему: «Зачем же убивать? Может, лучше в самом деле развестись, тем более что не любит». А Серега прямо сам не свой: убью, и все.

Выслушав ее рассказ, я вздохнула с облегчением, потому что была убеждена: всерьез муж убивать меня не собирается, а то, что орал «убью», так это просто эмоции, утихнет и развод даст, никуда не денется.

С легким сердцем я накормила Марью кашей, взглянула на часы и напомнила ей о работе – не своей, ее.

– Разве вам не надо в ваш офис?

Тут выяснилось, что она в отпуске, а отправилась в отпуск с одной целью: спасти меня, а так как отпуск внеплановый, а значит, без содержания, денег у нее нет, и она считает, что ей лучше всего жить у меня в целях моей безопасности и ее экономии. Данной идее я воспротивилась, твердо заявив, что в охране не нуждаюсь, а прокормить кого-либо не в силах, потому что у самой денег нет. Тут я, конечно, грешила против истины, но видеть в своей квартире сумасшедшую упорно не желала.

В конце концов мне удалось-таки проводить ее до двери. Она оставила мне номер своего телефона со словами: «Звоните, если что», а я посоветовала ей вернуться на работу – вдруг мой гад опять позвонит. Она нахмурилась, кивнула и наконец-то ушла. Я стала звонить Эльке с жалобами.

– Сумасшедший дом, – вздохнула она, выслушав. – А вдруг он правда чего замышляет? Может, тебе стоит перебраться к маме? – Вопрос я оставила без ответа и села за работу.

День прошел незаметно, я и думать забыла о Марье и

ее предостережении, то есть я ее вспомнила, укладываясь спать, но со смешком, и даже головой покачала: мол, надо же, совершенно чокнутая девица. Оказалось, не такая уж она сумасшедшая. А вот муж у меня точно псих, в этом я смогла убедиться буквально через несколько часов.

Взгляд мой упал на прикроватную тумбочку и натолкнулся на тетрадь. Сама я ее даже в руки не брала и удивилась: в какой же момент ушлая девица успела прошмыгнуть в спальню. Интересно, что она еще успела? Да, с такими следует держать ухо востро. Перекрестившись на всякий случай, я выключила свет и закрыла глаза.

Снились мне кошмары: муж с топором, Марья в рогатой шапке с носом клоуна грозила пальцем и грозно выла: «Забыла ты бога, оттого и наказана», мимо пробежали старушки в черном и смотрели недобро, но все эти кошмары были сущей ерундой по сравнению с моим пробуждением.

Проснулась я оттого, что не имела возможности повернуться и рука затекла от неудобной позы, открыла глаза и в первый момент решила, что все еще сплю, а ночной кошмар становится еще кошмарней. На моей постели сидели два дюжих молодца, один держал меня за руки и пакостно ухмылялся, а второй что-то проделывал с моими ногами. Через секунду я поняла: он их связывает, мне стало больно, а до меня наконец дошло, что это вовсе не сон, все это в реальности: и парни, и свет настольной лампы, и связанные руки. Я вмиг похолодела, вытаращила глаза, но нашла в себе силы

спросить:

– Вы кто?

Ответом мне было гробовое молчание. Впрочем, тут я слегка преувеличила, парни не молчали, оба хмыкнули, а один так даже хохотнул, но ни словечка не произнесли и ясности в то, что происходит, не внесли.

– Кто вы? – жалобно повторила я.

Тут второй парень, тот, что привязывал мои ноги к ножкам кровати, выпрямился. В его руках я увидела скотч, которым он и заклеил мой рот. После этого ничего произнести я уже не могла и лишь глазами вращала в ожидании самого худшего, причем и худшее виделось мне расплывчато.

Оба мерзавца поднялись, сделали мне ручкой и выключили лампу. Я напряглась в напрасном усилии порвать путы и тут услышала шаги: неизвестные покинули спальню. Затем хлопнула входная дверь, и я вздохнула с облегчением, но длилось оно недолго. Невозможно предположить, что эти двое ворвались в мою квартиру лишь для того, чтобы привязать меня к кровати, – следовательно, мерзавцы задумали какую-то пакость и мои испытания еще впереди. Пожар? Я начала принюхиваться. А может, газ открыли? Потом скажут, что покончила жизнь самоубийством. Какое самоубийство, если я связана по рукам и ногам. Тогда что? Так я лежала и пугала себя, увлекаясь все больше и больше, чему способствовала тьма крошечная (у меня на окнах плотные шторы) и прямо-таки могильная тишина.

Время шло, в комнате светлело, с улицы начали доноситься привычные звуки: трамвай прошел, дворник поливает клумбу, за стеной заработало радио. Ночь я пережила, а мерзавцы в самом деле ушли, не нанеся мне телесных повреждений.

Но эта мысль недолго радовала мне душу. То, что я жива и здорова, хорошо, но дальше-то что? Я ерзала и так и эдак, пытаюсь избавиться от пут, безрезультатно. Закричать «на помощь!» нет возможности. А в туалет уже хочется. Телефон у меня в прихожей, и толку от него нет. Сколько же мне так лежать?

Допустим, мама забеспокоится и позвонит, может быть, даже придет... Но пройдет несколько дней, прежде чем она забудет тревогу и выломает дверь (не сама, конечно, а по ее просьбе). У мамы были ключи от этой квартиры, но я свои потеряла и взяла у нее, а дубликат сделать не потрудились. И вот итог.

Картины одна страшнее другой являлись моему воображению: я умираю от голода и жажды... руки и ноги у меня немеют, распухают, и их ампутруют... В этом месте я так перепугалась, что лишилась сознания, а когда оно вернулось, вновь попыталась освободиться. Не тут-то было.

Зазвонил телефон, потом еще раз и еще. Потом телефоны звонили непрерывно: то домашний, то мобильный. Надежда вернулась ко мне: кому-то я очень понадобилась, значит, есть шанс. Затем звонки стихли, квартира погрузилась в ти-

шину, а я – в глубокую скорбь. Позвонили, и что?

Я принялась оплакивать свою судьбу, слезы текли по моим щекам, я еще пыталась освободиться, но как-то вяло, и тут хлопнула входная дверь, я наострила уши, однако радоваться не спешила: либо враги, покидая жилище, не потрудились запереть дверь, либо это те же враги, которые бог знает каким образом смогли проникнуть в квартиру. Более ничего в голову мне не приходило, раз ключи лишь у меня, но надежды я не теряла: вдруг действительно дверь не заперли?

Послышались осторожные шаги, затем дверь спальни приоткрылась, и в образовавшуюся щель протиснулась Марья Лукина. С минуту она смотрела на меня, вытаращив глаза, затем челюсть ее отпала, и она замерла с выражением ужаса на лице.

Я замычала, пытаюсь дать ей понять тем самым, что не худо бы мне помочь, а не стоять столбом с глупым видом. Марья отчетливо произнесла «ой», после чего бросилась ко мне. Но сразу освободиться не удалось: она безуспешно пробовала развязать ремни, я отчаянно мычала, потому что теперь, когда мысль о смерти от голода и жажды убралась во свояси, я начала злиться на чужую бестолковость. Марья вторично ойкнула и сорвала скотч с моего рта, тут уж я взвыла, не помня себя, и Марья вместе со мной – должно быть, за компанию.

– Нож на кухне, – прохрипела я, первой придя в сознание. Она сбегала за ножом и даже разрешила путы на моих ру-

ках, после чего обняла меня и громогласно провозгласила:

– Слава тебе, господи. Жива. – Я бессильно обвисла и согласна кивнула. – Что случилось-то? – спросила Марья, заглядывая мне в глаза.

– Проснулась, здесь двое типов, связали меня и ушли.

– И ничего не сделали? – подивилась она.

– Как ничего? Связали. И вообще, напугали до смерти.

– А сказали-то что? – не унималась Марья.

– Ничего они не говорили. Только ухмылялись.

– Чудеса, – нараспев произнесла она, а мне вдруг стало обидно: история выходила не впечатляющая. Но тут я вспомнила о ночных визитерах и покрылась гусиной кожей.

– Все ясно, – уставившись куда-то в пол, изрекла Марья. – Страшную кару замыслил аспид. Я кино видела с Бредом Питтом, дядьку одного тоже к кровати прикрутили, и он превратился в мумию. Год лежал, пока ему в глаза фонариком не посветили...

– Глупость какая, за год он раз двести бы умер.

– А этот гад его витаминами колол. Ага. Чтоб жил. Вот подлость людская. Говорю, Серега страшное дело задумал.

– С какой стати мне год лежать, – возразила я скорее из вредности, потому что тоже вспомнила фильм. – У меня мама есть. – Тут я нахмурилась и спросила: – Ты-то как вошла, дверь была открыта?

– Ага, – вяло отозвалась Марья.

– Вот видишь, никто меня мумифицировать не собиравал-

ся. Дверь специально незапертой оставили, чтобы я не умерла. Конечно, муж у меня сумасшедший и даром ему это не пройдет, но...

Марья вдруг поднялась, сложила ручки на груди и низко поклонилась, после чего заунывно начала:

– Прости ты меня, ради Христа...

Я сидела на постели все еще со связанными ногами и пыталась сообразить, куда она клонит.

– За что? – поинтересовалась я.

– Соврала я тебе, а это грех. – Она горько зарыдала, а я растерянно заметила:

– Да ладно, соврала и соврала. А чего соврала-то?

– Дверь была заперта, – перешла она на трагический шепот.

– Как же ты вошла? – поразмышляв немного, вновь спросила я.

– Прости ты меня, ради Христа! – взвыла деваха так отчаянно, что у меня заложило уши и я замахала руками.

– Простила, все. Хватит вопить.

– Ага, – вздохнула Марья, переминаясь с ноги на ногу. – Я у тебя вчера ключи свистнула, – сообщила она застенчиво.

Я, должно быть, вытаращила глаза от неожиданности, а может, от чужой наглости. Марья опять изготовилась вопить и бить поклоны, а я вновь замахала руками.

– Цыц, – прикрикнула я громко и даже кулаком погрозила, но, конечно, полюбопытствовала: – Зачем же свистнула?

– Как зачем? За тебя боялась. Уйдешь куда из дома, а тут супостаты. А без ключей тебе только дома сидеть. И никак я предположить не могла, что они на такую пакость отважатся, в дом проникнуть то есть. Ведь это дело такое, тут уж не от-вертишься, тут ведь не кирпич какой-то на голову свалился случайно или там машина переехала. Совершенно озверел, – заключила она, а я, задумавшись, спросила:

– Кто?

– Ясное дело кто. Серега. Муж твой.

– Надо немедленно обратиться в милицию, – попыталась вскочить я, забыв про связанные ноги. – Ох ты, господи, ремни-то разрежь.

Ремни Марья разрежала, я вскочила и нервно забегала по комнате.

– Думаешь, это он?

Признаться, трудно было представить, что муж, хоть теперь и нелюбимый и даже вроде бы бывший, способен на такое злодеяние. Мучаясь страхами, я ни разу не подумала о Сережке. А что я вообще думала? Кто-то решил пошутить? Хороши шуточки. Конечно, Марья права: его рук дело, не зря он убить меня грозился и совершенно озверел.

Набегавшись вдоволь, я замерла возле телефона, соображая, куда следует звонить. Ясно, что в милицию. Я набрала 02, но повесила трубку, решив для начала посоветоваться с мамой, потом подумала, что маму пугать не стоит, у нее давление, да и вообще...

– Наверное, надо самой идти и писать заявление, – тихо пробормотала я, но Марья услышала.

– На Серегу жаловаться? Так это бесполезно.

– Почему? – не поверила я.

– Менты эти дела страсть как не любят. Я имею в виду семейные ссоры. Скажут: разбирайтесь сами. К ним хоть во все не ходи, уж я-то знаю, у меня папка с мамкой раз десять разводились, а дрались-то как отчаянно, страсть, а менты палец о палец не ударили, чтобы хулиганские выходки родителя пресечь. А когда мамка в сердцах папку трехлитровой банкой с огурцами огрела, еще и запугивали: мол, если даст дуба, так непременно посадят. Аспиды, – пожалала она плечами со вздохом, а я загрустила. С милицией мне ранее не приходилось сталкиваться, но чудилась в словах Марьи какая-то правда.

– Что же тогда делать? – ахнула я, жалея саму себя прямо-таки до слез.

– Надо бороться, – ответила она с готовностью. – Око за око...

– Что ты мелешь? – обиделась я. – К кровати его, что ли, привязывать?

– Ну, может, и не привязывать, но машину ему, к примеру, разбить можно. Он ее на стоянке возле дома бросает без всякого присмотра.

– И что?

– Берем две здоровые дубины и по стеклам, и по фарам...

– Чокнутая, – покачала я головой.

– Почему? – обиделась она и повторила тише: – Надо бороться. И в Библии сказано: «Око за око».

– Там еще сказано: «Если тебя ударят по правой щеке...» или что-то в этом роде... – Я досадливо махнула рукой.

– Библия – великая книга, – не унималась Марья, – в ней полно советов на все случаи жизни. Я считаю, «зуб за зуб» очень подходит к нашей ситуации.

– При чем здесь ты? – сатанея, возвысила я голос. – Муж мой, связали тоже меня. Между прочим, ты вела себя не лучшим образом, ключи свистнула...

– Я же покаялась, – обиделась Марья. – Не по-христиански поминать прощенный грех.

– Ладно, – махнула я рукой, – но машина – плохая идея. Мы не должны уподобляться, и вообще... спасибо тебе большое, но у меня много дел.

– Сима... – хлопнула она рыжими ресницами. Так подураски меня еще никто не называл, и я, признаться, опешила. – Мне жить негде. Меня сегодня хозяйка с квартиры выгнала, такая негодяйка оказалась, совсем люди бога не боятся. Можно, я у тебя переночую?

– Но ведь у тебя есть родственники? – неуверенно предположила я. Марья вздохнула. – Или друзья? – Очередной вздох. – Ну, просто знакомые...

– Просто знакомые есть, конечно, но они вряд ли пустят. Вот ты, к примеру, гонишь, хотя я тебе жизнь спасла, если

разобраться. – Она еще раз вздохнула, и одинокая слеза скатилась по ее щеке.

Я загрустила.

Конечно, по большому счету, она права. Если б не Марья, лежала бы я сейчас связанная, но она ведь совершенно ненормальная, ключи свистнула, разве такой поступок нормальным назовешь? Машину разбить предлагает... С другой стороны, если бы она ключи не свистнула, то и в квартиру не вошла бы, а значит...

– Ладно. Оставайся. Но только на одну ночь.

– Хорошо, – с готовностью кивнула она. – А у тебя машина есть?

– Есть.

– Тогда, может, вещи мои перевезем? Хозяйка очень ругается, я еще на той неделе обещала.

– А за что она тебя выгнала?

– Я кран закрыть забыла.

– Ну и что?

– Дело-то в пятницу было, вечером. Я к знакомым на дачу уехала, и соседи подо мной тоже. А я на пятом этаже. Короче, пролило до первого. Но это ведь не повод, правда?

– С кранами надо быть внимательней, – пробормотала я, радуясь, что сегодня не пятница. – Завтракать будешь? – спросила я Марью.

– Конечно. Я бы заодно и пообедала.

Мы сели завтракать, Марья помалкивала, а я размышля-

ла: что же делать? И ничего разумнее не придумала, кроме как идти в милицию. Марья вызвалась сопровождать меня.

Через час мы вошли в здание райотдела. Граждане снова-таки по коридорам, за стойкой сидел истомленный дежурный и недобро смотрел на мир.

– К кому мне можно обратиться? – робко спросила я. Я всегда робела при виде милиции, хотя и непонятно, с какой стати.

– Ко мне, – ответил мужчина, в глазах его появился интерес.

– Я развожусь с мужем, а он мне угрожает.

– А чего разводитесь-то? – спросил дежурный.

– Просто развожусь, – нахмурилась я.

– Интересно. «Просто развожусь», – передразнил он. –

Причина должна быть веская. Это вам не игрушки: хочу – живу, хочу – развожусь.

– Что это вы мне мораль читаете? – возмутилась я. – Есть у меня причина.

– А если есть, то разведут. Всю жизнь у них мужики виноваты.

– Какой-то сумасшедший, – пробормотала я, схватила Марью за руку и потянула ее к выходу. Никакие силы небесные не заставили бы меня повторить эту попытку.

– Что я тебе говорила? – бубнила Марья. – Менты всегда так, им бы только ничего не делать. Будут нервы трепать: а с чего вы решили, что это ваш муж, а чем докажете? Вот когда

убьют, тогда и приходите.

Хоть Марья, с моей точки зрения, и была девицей чокнутой, но в тот момент я была склонна ей верить.

– Да уж, – вздохнула я тяжело и замерла посередине улицы, оглядываясь.

– Надо ему тачку разбить, – зашипела Марья.

Я отмахнулась от нее, как от назойливой мухи. Подумав, я решила обратиться к Эльке, но от этой мысли пришлось отказаться – Марья потащится со мной, а показывать ее нормальным людям совершенно невозможно, а то и в моем здравомыслии сомневаться начнут.

Я зашагала по улице, только чтобы не стоять на месте, а Марья вновь принялась зудеть по поводу своих вещей. Я рассудила, что если мы перевезем ко мне и вещи, то от этой сумасшедшей я вряд ли избавлюсь, потому и не торопилась помогать ей.

– Давай сначала покончим с одним делом.

– Говорю, надо стекла бить.

– Какой от этого толк?

– Поймет, что мы себя в обиду не дадим. Ты нам пакость – мы тебе две.

– Как-то не по-христиански ты рассуждаешь, – нахмурилась я.

– Ничего подобного. Я же тебе говорила...

Но я уже не слушала, потому что взгляд мой упал на нарядную вывеску адвокатской конторы «Гридин и сыновья».

Первый этаж здания был заново отделан, вывеска стоила денег, да и само здание практически в центре города производило впечатление. Очень солидно. И кому, как не адвокатам, знать, как следует поступить в моем нелегком положении.

Я решительно направилась к дубовым дверям с латунными ручками, начищенными до блеска так, что за них было страшно братья руками. Но я взялась. Марья удивленно начала: «Ты куда...» – но тут же примолкла.

Мы вошли в холл и испуганно огляделись. Обстановка была такая, что я сразу почувствовала: беспокоить Гридина и сыновей по такому пустячному поводу, как мой, непростительное свинство.

– Шикарно, – простонала Марья, вертя головой.

Тут, словно из-под земли, возник молодой человек в светлом (по причине жары) костюме, рубашка белоснежная, галстук в полоску. На лице молодого человека явственно отобразились печаль и сомнение в целесообразности нашего визита сюда. Мы уж и сами сообразили, что зря приперлись, но бежать сломя голову было неловко, и я, выпрямив спину, сказала с вызовом:

– Мы бы хотели проконсультроваться.

– Прошу вас, – указал рукой в сторону коридора молодой человек.

Пол здесь был покрыт толстым ковром, и шли мы совершенно бесшумно. Из-за ближайшей двери донеслись какие-то голоса, но мы ее миновали, остановились перед следу-

ющей дверью с бронзовой табличкой. Прочитать, что там, я не успела, молодой человек постучал, затем распахнул дверь, и я, почему-то с замиранием сердца, вошла.

Комната, точнее, кабинет оказался совершенно обыкновенным: белые стены, две картины (весьма посредственные), стол с неизменным компьютером, жалюзи на окнах и полки вдоль стен, заваленные пухлыми папками, которые почему-то сразу напомнили мне школьные годы и сдачу макулатуры.

За столом сидел упитанный мужчина неопределенного возраста. Вначале он показался мне пожилым из-за наметившейся лысины и мышиного цвета волос, принятого мною за седину, но тут он вскинул голову, оторвавшись от бумаг, и теперь показался мне едва ли не ребенком. У него были румяные щеки, а цвету лица могла бы позавидовать любая девушка (себя я в виду не имею, у меня с этим все в порядке), очки без оправы делали его похожим на мудрого кролика, чему способствовала улыбка, тоже какая-то кроличья. Чем-то он слегка раздражал, в основном потому, что впечатление о нем как-то не складывалось.

– Здравствуйте, – приветствовал он нас низким голосом, который совершенно не шел к его облику, и это тоже почему-то раздражало.

Мужчина поднялся и протянул руку, я растерялась, а подскочившая Марья ее пожала и скороговоркой выпалила:

– Лукина Марья Никитична.

– Очень приятно, – глядя на меня, ответил мужчина. – Олег Михайлович Яшин.

– Это Симона Вячеславовна, можно просто Сима, – зататорила Марья. Но я успела вмешаться:

– Можно без отчества, но зовут меня Симона.

– Очень приятно, – повторил Олег Михайлович и улыбнулся еще шире. – Присаживайтесь. – Мы устроились в креслах, и он продолжил: – Внимательно вас слушаю.

– Муж у нас сволочь, – с места в карьер начала Марья, хоть ее и не спрашивали.

– Ваш муж? – не понял Олег Михайлович. Я бы на его месте тоже не поняла.

– Ее, – ткнула в меня пальцем Марья, – но я от него тоже пострадавшая. Я, можно сказать...

– Заткнись, – шикнула я, она моргнула, но рот закрыла. – Муж мой, и говорить буду я.

Далее я довольно обстоятельно поведала о своих несчастьях. Олег Михайлович выслушал с печалью и без особого интереса, после чего принялся успокаивать меня, но совершенно не успокоил и даже разозлил. Особенно мне не понравились выражения «драматизировать» и «не стоит преувеличивать». Ему хорошо говорить, его-то к кровати не привязывали.

Я посуровела и твердо заявила, что без всяких там преувеличений ожидаю мученической кончины со дня на день. Олег Михайлович погрустнел еще больше; оно и понятно,

контора respectable, а я клиент не впечатляющий, но как человек воспитанный (опять же положение обязывало) просто выставить меня за дверь он не мог и страдал.

– Если вы убеждены в том, что... Вам надо обратиться в милицию, – нашел он выход и улыбнулся.

– Только что оттуда, – обрадовала я его.

Он вздохнул и сказал с печалью:

– Но от нас-то вы чего хотите?

В самом деле, чего я хочу? Я нахмурилась и сформулировала:

– Решения вопроса.

– Уточните, – попросил он.

– Я хочу развестись с мужем и остаться в живых после этого.

Олег Михайлович предпринял ряд попыток избавиться от нас, но в меня точно черт вселился, я сидела на стуле как приклеенная и хмуро твердила одно и то же.

Олег Михайлович выдохся, побледнел и почему-то перешел на дискант. Я поняла, что настал момент, когда нас отсюда попросту выкинут, и уже собралась уйти по-доброму, но тут дверь распахнулась и в кабинет вошел мужчина. Марья, увидев его, пискнула и едва не лишилась сознания, а я начисто забыла, по какой такой нужде меня сюда занесло. Он был очень красив, одет дорого и со вкусом и умудрялся походить на Ричарда Гира, Тома Круза и всех известных голливудских красавцев одновременно. Взгляды наши встрети-

лись, его – слегка насмешливый (уж он-то хорошо знал, какое впечатление производит на женщин) и мой – смесь восхищения, природной глупости и слабой попыткой сохранить достоинство.

– Олег Михайлович, вы заняты? – спросил он, продолжая смотреть на меня. Его светло-серые глаза обещали неземное блаженство.

– Собственно, я уже все, – проямлил Олег Михайлович, который тоже почему-то остолбенел.

– Если я не вовремя... – продолжил вошедший, но как-то чувствовалось, что он сам не верил, что такое возможно.

– Вы кто? – вдруг спросила Марья.

Мужчина с удивлением взглянул на нее, но ответил:

– Разрешите представиться, Гридин Андрей Петрович.

– Отец? – пискнула Марья.

– Сын, – с достоинством поправил он и потерял к Марье интерес. – Олег Михайлович, на моем столе бумаги, я бы хотел...

– Да-да, – вскочил тот, – я через минуту...

– Через минуту не получится, – опомнилась я. – Вы так мне и не ответили...

Олег Михайлович пошел пятнами.

– Я ведь вам сказал: обратитесь в милицию или в охранное агентство, наконец.

– А в чем дело? – проявил интерес Андрей Петрович и в знак того, что интерес не шуточный, устроился в кресле,

закинул ногу на ногу и уставился на меня. А я порадовалась: то ли тому, что моя история кого-то заинтересовала, то ли факту, что просто заинтересовала такого мужчину, а то, что заинтересовала, сомнений не вызывало.

Я приободрилась и почувствовала себя красавицей более обыкновенного. В душе колыхнулось что-то вроде надежды на близкое счастье, но колыхалось недолго, до той самой минуты, пока я не заметила на пальце Гридина обручальное кольцо. Женатые, будь они хоть трижды красавцы, никогда не вызывали у меня интереса. Андрей Петрович вмиг лишился своего ореола и стал просто симпатичным мужчиной лет сорока, в серых брюках, темно-синей трикотажной рубашке с короткими рукавами, темными волосами, довольно длинными, которые падали на плечи, свиваясь кольцами, светло-серыми глазами, тонким носом с горбинкой и красивым ртом. Зубы у него тоже были шикарные, но это наверняка достижение его стоматолога. В общем, ничего особенного и незачем ходить здесь павлином.

Видимо, что-то в моем поведении изменилось, потому что Андрей Петрович тоже взглянул на обручальное кольцо и досадливо поморщился. Между тем Олег Михайлович излагал мою историю, а я то и дело вмешивалась и поправляла его, выходило не особо толково, но Андрей Петрович слушал внимательно и время от времени кивал.

– Если я правильно понял, ваш муж не дает вам развода и грозит расправой? – спросил он.

– Да, – в два голоса ответили мы с Марьей.

– А это ваша подруга?

Такая подруга могла привидеться мне лишь в кошмаре, но объяснять, что к чему, я сочла неуместным и кивнула.

– Я его любовница и могу подтвердить, – заявила Марья.

Андрей Петрович поднял брови.

– То есть вы...

– Да. И это я раскрыла планы супостата и вовремя сигнализировала. Потому что в Евангелии сказано...

– Прошу прощения, – остановил он ее, к великой моей радости. Слышать о Евангелии я в тот момент была не расположена. Андрей Петрович задержал взгляд на моем костюме и спросил: – Ваш муж богатый человек?

– Да.

– И вы хотели бы...

– Я хочу с ним развестись. А еще хочу, чтобы он оставил меня в покое. Это все.

– То есть ни о какой компенсации, разделе имущества и прочем речь не идет?

– Я вам уже сказала: я хочу развестись.

– Прекрасно. Мы беремся все уладить. Вам незачем лично встречаться с мужем, этим займется Олег Михалович. Простите, вы так и не сообщили мне свое имя.

– Алексина Симона Вячеславовна, – с достоинством ответила я.

– Сергей Иванович ваш муж? – вроде бы растерялся Андрей Петрович.

– К сожалению.

– И он вам грозил? Невероятно. Убежден, что его слова не стоит воспринимать всерьез. Насколько мне известно, он вас любит, по крайней мере неоднократно говорил об этом. Может быть, вы слегка погорячились? Может быть, не стоит спешить с разводом?

– Вы с ним хорошо знакомы? – насторожилась я.

– Ну... иногда встречаемся.

– По бабам вместе шарахаются, – неизвестно чему обрадовалась Марья.

– Выходит, мы зря теряем время, – решительно поднялась я.

Андрей Петрович удержал меня за руку.

– Не спешите. Я могу с ним поговорить. Уверен, после нашего дружеского разговора у него отпадет желание устраивать ночные представления.

Я подумала и кивнула. Через пять минут мы простились.

– Зря мы к мужикам поперлись, – вздохнула Марья. – Они все заодно. Нам баба-адвокатша нужна. Желательно разведенная. Уж ей-то объяснять не пришлось бы, что это за козлы.

– Слушай, Марья, а тебе на работу не надо? – с надеждой спросила я.

– Зачем? Я же в отпуске.

– Но если он не оплачиваемый, может, стоит вернуться?

– Для меня твоя жизнь дороже. Смотри-ка, кафе, может, зайдём, перекусим?

Я окинула взглядом ее фигуру: кожа да кости.

– Умерь аппетит, – хмуро посоветовала я. – Моих денег надолго не хватит. – Тут я подумала, что Марья, возможно, долгое время голодала (хотя с чего бы ей голодать?), устыдилась, вздохнула и сказала: – Пошли.

Вторую половину дня я провела за рабочим столом, а Марья грохотала кастрюлями на кухне. Вымыла окна, выбила ковер и ни разу не заглянула в мою комнату. Я поняла, что обрела истинное сокровище. Не мешало бы, впрочем, от нее поскорее избавиться, но теперь это выглядело проблематичным. В восемь я появилась на кухне.

– Под окном кто-то вертится, – почему-то шепотом сообщила Марья.

– Где? – испугалась я, бросаясь к окну.

– Минут пятнадцать как смылся. Бродил по тротуару напротив и все на окна поглядывал. Готовится.

Я собралась паниковать и со всех ног бежать к маме, но тут подумала, что Марья, скорее всего, фантазирует, чтобы смутить мой покой и задержаться в квартире.

– Ужинать будешь? – деловито спросила она. Я кивнула, она быстро накрыла на стол и кинулась за красной тетрадью. – Подожди, я молитву прочитаю.

– В кафе ты молитв не читала, – съязвила я.

– Ну и что? Забыла. А ты могла бы напомнить. Чего ты вредничаешь, лоб, что ли, трудно перекрестить?

– Не трудно, – пожалала я плечами, стыдясь, что уличена во вредности; выслушала молитву и перекрестила лоб.

Только мы приступили к трапезе, как зазвонил телефон. Я неохотно сняла трубку и услышала мужской голос с едва уловимым акцентом.

– Простите, могу я поговорить с Симоной?

– Слушаю вас, – ответила я в некотором замешательстве.

– Очень приятно, а я Борис Моисеевич. У меня к вам дело. Не могли бы мы встретиться, скажем, завтра в 18 часов.

– А, собственно... – начала я.

– Я бы не хотел объясняться по телефону. Скажу лишь следующее: я прилетел из Израиля, в Москве пробуду неделю, а завтра специально приеду в ваш город для встречи с вами.

– Спасибо большое, только я ничего не понимаю.

– Конечно. Поэтому я и хочу встретиться. Итак, завтра я вам перезвоню. Всего доброго.

– Черт-те что, – сказала я, вешая трубку.

– Никуда не ходи, это его козни.

– Кого?

– Серегины, конечно.

– Не болтай глупостей.

– Вот увидишь, пойдешь к этому дядьке, а назад не вернешься.

– Большое тебе спасибо, – фыркнула я.

– Тогда я с тобой пойду.

– Мы договаривались, что ты остаешься здесь только до завтра, – напомнила я.

Марья надулась, и ужин прошел в молчании.

Утром заехала Элька, на вопрос: «Как дела?» – я ответила: «Нормально», прикидывая, стоит ли ей рассказать все или нет. Марья еще спала, а Элька проходить дальше порога не стала, потому что спешила, и я так ничего ей не рассказала. Села за работу, но время от времени вспоминала о предстоящей встрече.

Ровно в 18.00 раздался телефонный звонок, и тот же голос осведомился, я ли это?

– Это Борис Моисеевич, я только что приехал...

– Да-да. Где мы встретимся?

– Я впервые в вашем городе, так что выбирать вам.

– Тогда, может, вы приедете ко мне? Я живу...

– Я знаю адрес, – перебил он и через полчаса появился в квартире.

Все это время Марья таращилась в окно и нервировала меня всякими выдумками: то ей прохожие казались подозрительными, то наш дворник, то «Волга», что замерла под окнами. Наконец в дверь позвонили. Я с облегчением вздохнула и пошла открывать. На пороге стоял дядька совершенно необъятных размеров, в светлом костюме без галстука, с

бородой, усами и лысиной во всю голову, которую он в настоящее время вытирал платком, тяжело дыша, под мышкой он держал большой сверток.

– Здравствуйте, – сказала я.

Дядька широко улыбнулся и протянул ко мне обе руки, одну с платком, другую со свертком, и радостно провозгласил:

– Вылитый отец.

Я решила никак на это не реагировать и дожидаться, что будет дальше, но на всякий случай тоже заулыбалась; дядька годился мне в дедушки, а меня учили уважать старших.

– Проходите, пожалуйста, – предложила я, он вошел, и мы с большим трудом смогли разместиться в моей прихожей. Я попятилась и натолкнулась на Марью, которая появилась из кухни.

– Что ж, давайте знакомиться, – сказал гость, все еще улыбаясь. – Борис Моисеевич.

– Очень приятно, – с подозрением глядя на него, ответила Марья. – Марья Никитична, подруга Симы. Сейчас живу у нее.

Я собралась возразить, что не живет, а просто слегка загостилась, но не стала, пусть дядька думает, что я здесь не одна... на всякий случай.

Мы прошли в кухню, Борис Моисеевич расположился в кресле. От чая он отказался и, выразительно взглянув на меня, сообщил:

– Беседа наша сугубо конфиденциальна. Если вы что-то захотите потом рассказать подруге, дело ваше, но я не вправе разглашать...

Признаться, я здорово перепугалась, такое начало мне совсем не понравилось. Марья неохотно покинула кухню, заметив:

– Я рядом.

Борис Моисеевич взял мою руку и ни с того ни с сего спросил:

– Что вы знаете о своем отце?

Может, кому-то легче легкого ответить на подобный вопрос, но мне как раз наоборот. Если честно, о папе я достоверно знала одно: он умер. По крайней мере, так уверяла мама. Остальные сведения носили отрывочный характер и друг другу противоречили. Я и в детстве не особо донимала маму вопросами, а став старше и сообразив, что данная тема маму совершенно не занимает, и вовсе от них отказалась. Рождена я была в законном браке, чему имелось свидетельство, остальное было покрыто мраком. Если верить маме, папа умер, когда я пребывала в младенчестве, он был инженером (по другой версии – физиком, впрочем, он мог счастливо сочетать обе профессии) и скончался от рака горла (желудка). Никакой родни со стороны папы я никогда не видела, покоился он за триста километров отсюда, в том городе, где мы жили раньше. Местом моего рождения действительно был указан соседний областной центр, так что в историю это

отлично вписывалось. После смерти папы мама поклялась, что замуж больше не выйдет и посвятит свою жизнь мне. И свое слово сдержала. У нее были многочисленные романы, каждый, как правило, начинался с покупки нового платья, а заканчивался приобретением шляпы, непременно с вуалью, которую мама носила недели две, а потом забрасывала на антресоли. За двадцать лет шляп скопилось великое множество. Как-то я сдуру предложила их выбросить, мама укоризненно покачала головой и заявила, что в них вся ее жизнь.

Однако мужчин в нашем доме я никогда не видела. Если мама по вечерам уходила, я оставалась с тетей Клавой, дальней нашей родственницей, и как-то решила выпросить ее об отце, она отвечала неуверенно и без охоты. Стало ясно: ей известно не больше моего. В шкафу хранилась фотография в рамке, на которой, по словам мамы, был изображен отец. Никакого сходства с собой я в нем не усмотрела и к фотографии интерес потеряла.

И что, скажите на милость, я должна была ответить толстяку? Но ответить-то надо. И я ответила:

– Папа умер. Двадцать лет назад.

– Да-да, – горестно кивнул Борис Моисеевич. – Это вам сказала ваша мама? Ваш отец любил ее всю жизнь. – Он достал из кармана пиджака конверт, а из него фотографию. – Умирая, Натан держал ее в руке и все повторял: «Другой такой женщины нет».

Он протянул фото мне, и я без труда узнала маму, она бы-

ла снята в полупрофиль. На фото маме было лет тридцать пять, но могло быть и больше, выглядела она всегда прекрасно. Однако не тот факт, что какой-то Натан, умирая, держал фото мамы в руках, восхваляя ее достоинства, потряс меня, а надпись на обратной стороне. Маминой рукой было написано: «Да лобзает он меня лобзанием уст своих, ибо ласки твои лучше вина». Никогда не замечала в маме особого романтизма.

– «Песнь песней», – едва ли не со слезой заметил Борис Моисеевич.

– Что?

– Это цитата из Библии.

– А-а... замечательно, только...

– А вот и вы, – с улыбкой возвестил он и извлек из конверта вторую фотографию. На ней тоже была мама, в черном платье с ниткой жемчуга, а у нее на коленях я в возрасте шести месяцев. Эта фотография была мне хорошо знакома, она до сих пор украшает розовую комнату. Цитат из Библии больше не было, маминой рукой написано: «Я назвала ее Симоной, здесь ей пять месяцев и три недели». Тут кое-что начало доходить до меня, я взглянула на дядьку и запечалилась: что, если он вдруг окажется моим родителем? Такого счастья я могу и не пережить. Как-то я все это время обходилась без отца и теперь особой надобности в нем не чувствую.

– Я не понимаю... – схитрила я.

– Значит, мама вам так ничего и не рассказала? – вздохнул

он.

– А что она должна была рассказать?

– Возможно, она и права, – задумчиво изрек дядька, совершенно меня не слушая. – Но я обещал выполнить его волю, я дал слово умирающему и обязан его сдержать. – Тут он вновь взял мою руку и заявил: – Вы носите отчество и фамилию человека, который никогда не был вашим отцом. Да, он был мужем вашей мамы, но брак этот не принес ей счастья. По-настоящему она любила только вашего отца, Кацмана Натана Леонидовича, моего дорогого друга.

Я запечалилась еще больше и, кашлянув, спросила:

– Он умер? – И не смогла скрыть вздоха облегчения, когда услышала:

– Два месяца назад. Он дал мне ваш адрес, телефон и велел рассказать все при личной встрече. Я приехал в Москву навестить родственников и поспешил сразу к вам...

– Спасибо большое, – сказала я, не зная, как поскорее выпроводить его. – Фотографию можно оставить?

– Да, конечно. Ваш отец был прекрасным человеком...

Далее последовал рассказ о моем отце. Если честно, было даже интересно. Оказывается, Натан Леонидович был превосходным гинекологом и эмигрировал в Израиль пятнадцать лет назад. У него была семья, и у моей мамы тоже, это не позволило им связать свои судьбы, но сердца их стучали в унисон. Словом, это был роман, который заслуживал экранизации.

Я все-таки настояла, и мы выпили чаю. Борис Моисеевич еще немного рассказал о папе и потянулся к свертку.

– Умирая, ваш отец просил меня передать вот это.

Он развернул плотную бумагу и водрузил на стол подсвечник; ничего более уродливого мне видеть не приходилось. металлический штырь, вокруг которого обвилась змея, при ближайшем рассмотрении оказавшаяся крылатой, к тому же с когтистыми лапами (они украшали основание подсвечника) и зубастой пастью (она торчала как раз на том месте, где надлежало быть свече).

– Это семейная реликвия, – сообщил Борис Моисеевич, глядя на железного монстра. – Ей больше ста лет, потребовалось специальное разрешение на вывоз...

– Спасибо. А папа не сказал, что с ним делать? – спросила я и покраснела, сообразив, что не то должна была ответить любящая дочь.

– Натан считал, что это должно быть у вас.

– Огромное вам спасибо, – закивала я, косясь за окно и прикидывая, где устроить дорогого гостя. Выставлять его за дверь на ночь глядя как-то неловко, раз он из самого Израиля приехал. К счастью, Борис Моисеевич взглянул на часы и заторопился:

– У меня электричка через час, вы не могли бы вызвать мне такси?

Это я сделала с большим удовольствием и, еще раз двадцать поблагодарив его, наконец-то простилась с ним.

– Нам надо помолиться за твоего папу, – заявила Марья, как только за гостем закрылась дверь.

– Ты подслушивала?

– Конечно. А если бы он вдруг набросился на тебя?

– И что бы ты сделала? – язвительно спросила я.

– Ну... огрела бы его папиным подсвечником.

– О господи, иди молись, только оставь меня в покое.

– Ты расстроилась? – принялась канючить Марья. – Твой папа сейчас на небесах, смотрит на нас и радуется.

– Чему, интересно?

– Не злись. Давай помолимся и вместе поплачем. А завтра в церковь ходим. Я о тебе сегодня всю ночь думала...

– Ты лучше о себе подумай, где ты собираешься жить в ближайшее время.

– Я тебя понимаю, только-только появился папа и сразу умер... А я все удивлялась, чего это имя у тебя такое чудное. Наверное, его папа придумал.

– Замолчи, – возвысила я голос.

– Не расстраивайся, – сморщилась Марья. – У моей подруги тоже отец еврей, и ничего. А у тебя даже фамилия другая.

– Марья, ты дура, – не выдержала я.

– Если бы мы помолились вместе, тебе стало бы легче. На сердце сразу такая благодать, и плакать хочется.

– Хорошо, молись, а я отлучусь ненадолго.

– Куда ты? – встрепенулась она.

– К маме.

– Я с тобой.

– Зачем?

– Как зачем? Время позднее, пойдешь одна и...

– Тебе совершенно нечего делать у моей мамы.

– Хорошо, я в подъезде подожду. Главное – знать, что ты в безопасности.

«Когда ж я от нее избавлюсь?» – с тоской подумала я, но вслух сказала:

– Хорошо, поехали. Только не вздумай рассказать маме о ночном происшествии. У нее давление.

Она согласно кивнула, а я, вторично вздохнув, завернула подсвечник в бумагу и прихватила с собой. Отправились мы на машине и потому у мамы оказались уже через двадцать минут. Мама смотрела телевизор и слегка удивилась моему появлению.

– Это Марья, – кивнув на спутницу, сказала я и поцеловала маму.

– Ты какая-то взъерошенная. Что-нибудь случилось?

– Иди на кухню, – шикнула я на Марью, та поспешно удалась, а я пристроилась рядом с мамой, прикидывая, как бы подготовить ее, и, ничего не придумав, сообщила: – У меня был гость. Из Израиля.

Мама взглянула заинтересованно.

– Из Израиля? И что?

– Сказал, что он друг моего отца и что папа умер.

– Дальше-то что?

– Привез подсвечник, – закончила я и освободила реликвию от бумаги.

Мама уставилась на нее в полнейшем недоумении.

– Что это?

– Подсвечник.

– Вижу, что подсвечник. Ты меня с ума сведешь. Расскажи как следует. – Я, естественно, рассказала. – Значит, старый пройдоха умер, – кивнула мама, нахмурившись. – Царство ему небесное. Или где он там должен находиться. Не очень-то я сильна в религии, в мое время в моде был атеизм. Он умер и не придумал ничего умнее, как оставить тебе это художественное безобразие?

– Это реликвия.

– Жулик. Я совершенно не на это рассчитывала, когда писала ему письма. Каждый год по письму. Между прочим, он там прекрасно устроился, уж что-нибудь да скопил на старость. И вот вам, пожалуйста. Впрочем, у него своих двое, но это все-таки свинство. – Тут она схватила подсвечник, подержала его на весу и сказала: – Мона, надо его распилить.

– Зачем? – ахнула я.

– Слушай мать и не задавай дурацких вопросов.

Мы потрусили в кладовку, где хранился всякий хлам. К нам незаметно присоединилась Марья. Однако, перерыв все сверху донизу, ничего подходящего мы не нашли. Мама отправилась к соседям и вернулась с орудием, которое условно можно было назвать пилой.

У меня была слабая надежда, что мама откажется от идиллической затеи распиливать подсвечник, столкнувшись с первыми же трудностями. Распиливать что-либо вообще дело нелегкое, а у мамы давление, да и возраст, но мама так рьяно принялась за дело, что мне ничего не оставалось, как присоединиться к ней.

Марья в некотором очумении металась рядом и в конце концов тоже приняла участие. Ненавистный подсвечник переломился пополам, и мы уставились на две половинки с алчным блеском в глазах. Корыстолюбие, оказывается, свойственно не только представителям нашей семьи, но и такой возвышенной натуре, как Марья. Она расстроилась больше всех и едва не зарыдала от возмущения.

– Пилите гирю, Шура, она внутри золотая, – ядовито произнесла я, а мама отмахнулась.

– Не там пилили, вот здесь подсвечник потолще. Не мог же он ничего не оставить.

Сменяя друг друга, мы трудились всю ночь и рассвет встретили изможденные и разочарованные. Подсвечник, поделенный на шесть частей – когти, крылья, голова и фрагменты туловища, все отдельно, – лежал на столе, вызывая у мамы стойкую неприязнь.

– Я вспомнила, – вдруг сказала мама, борясь с одышкой. – Старый пройдоха рассказывал: кто-то из его предков – то ли дед, то ли прадед – спасся от пожара чудесным образом и с этим дурацким подсвечником приехал во Львов и там

неожиданно разбогател, должно быть, ограбил кого-то. Эту дрянь он таскал за собой повсюду, считая, что она приносит удачу.

– Теперь вряд ли что принесет, – с сомнением глядя на результат наших трудов, заметила я.

– Никакой совести у людей, прислать какое-то старье, которому грош цена. Об этом ли я мечтала для своей дочери, – мама досадливо плюнула. – Не вижу смысла отправляться вам сейчас домой, – добавила она. – Оставайтесь у меня.

Мама величественно выплыла из кухни, где мы орудовали, а я принялась убираться. Марья грустно косилась на подсвечник.

– Может, его склеить? Все-таки твой папа... И удачу приносит.

Она аккуратно завернула все шесть частей в бумагу и предложила помолиться, я согласно кивнула, в результате трудиться стало веселее. Марья читала молитвы из красной тетрадки, а я орудовала пылесосом и практически ничего не слышала. Закончили мы одновременно. Умылись, я разобрала постель, но перед тем, как лечь, решила навестить маму. Постучала в дверь «черной» комнаты и заглянула, услышав «да».

– Я понимаю, что ты не в лучшем расположении духа, – начала я, – и все же хотелось бы...

– Не бери в голову, – ответила мама, глядя на меня через плечо. – Этот зловердный тип не имеет к тебе никакого от-

ношения. – Тут мама все-таки развернулась ко мне и простерла руки. – Бедный мой ребенок... – Я припала к родной груди, и мама, со слезами на глазах, добавила с обидой: – Такое разочарование. Ну, ничего. Может, в следующий раз повезет больше.

Признаться, меня это насторожило, но я поостереглась задавать вопросы, в основном потому, что знала по опыту: мама их терпеть не может по той причине, что далеко не на все вопросы знает ответ. Если мама говорит, что недавно почивший Натан Кацман не имеет ко мне никакого отношения, значит, так и есть, и нечего в самом деле забивать себе голову.

Я пожелала маме спокойной ночи и отправилась спать. В моей комнате лишь одно спальное место: старенькая тахта. Пришлось делить ее с Марьей.

– Мама расстроилась? – зашептала она, отодвигаясь к стене.

– Естественно, такие труды насмарку.

– А может, он вовсе не железный, может...

– Не может. Спи, а то выгоню.

Марья обиженно засопела, но голоса более не подавала.

Утром мы спали часов до десяти, пока нас не разбудила мама, позвав завтракать и сообщив:

– В двенадцать у меня консультация.

О вчерашнем она не заговаривала, и я благоразумно мол-

чала.

Я отвезла маму на работу и выжидательно уставилась на Марью.

– А тебя куда?

– Мне совершенно негде жить, – начала канючить она, но я помахала пальцем перед ее носом.

– Не пойдет. Я не могу тебя удочерить, это противоестественно, раз ты даже на год старше.

– На одиннадцать месяцев, – поправила она.

– Вот видишь. В качестве домашнего питомца тебя тоже невозможно держать, ты очень много болтаешь. Самое время нам проститься. Говори, где тебя высадить?

– Вот здесь, – обреченно сказала Марья, кивнув на автобусную остановку возле моего дома. Я остановила машину, она нехотя вышла, буркнув: – До свидания.

Я ответила тем же, запретив себе смотреть в ее сторону и вообще проявлять какие-либо эмоции. Совершенно невозможно, чтобы продолжалась эта глупая ситуация. Марья взрослый человек, хоть и чокнутая, к тому же совершенно чужой мне человек, у нас даже нет ничего общего, не считая моего мужа.

Только я о нем подумала, как он не преминул явиться: въехав во двор, я первым делом заметила его машину, которая красовалась на стоянке, Сергея в ней не было видно, но это нисколько меня не успокоило, даже наоборот. Я подумала: может, удрать, пока он меня не заметил, но устыдилась

этих мыслей, приткнула машину в углу двора и зашагала к подъезду, каждую минуту ожидая нападения.

– Симона, – услышала я знакомый голос, обернулась и увидела мужа; он сидел на скамейке возле соседнего подъезда (возле нашего скамья отсутствовала). Он поднялся и пошел ко мне. В лице его читалась большая печаль, так что я усомнилась в том, что он таит в отношении меня гнусные намерения. Сергей поздоровался и сообщил: – Надо поговорить.

– Я тебя слушаю.

– Может быть, ты все-таки пригласишь меня в квартиру? – недовольно буркнул он.

Приглашать его мне не хотелось. Я бы предпочла разговаривать на нейтральной территории, к примеру, в кафе. Но вдруг я застыдилась и совсем уж было решила согласиться, но тут Сергей все испортил.

– Где ты была? – ни с того ни с сего спросил он.

– Сейчас? – растерялась я.

– Ночью. Я звонил в половине одиннадцатого, в двенадцать, в час. В восемь утра тоже звонил. Мобильный отключен.

– А какое тебе, собственно, дело? – возмутилась я. Нет бы ответить правду, хотя вряд ли он поверит.

– Между прочим, ты моя жена, – ехидно заявил он.

– К сожалению, пока еще да, но я хочу получить развод.

– Чтобы шляться, где попало, ночи напролет?

– Это уж слишком, – понизила я голос до зловещего шепота. – Не тебе упрекать меня.

– Ты просто искала случай... придралась к какой-то ерунде, а теперь... – Он, в отличие от меня, голос возвысил. Я нервно оглядывалась, стыдясь соседей. Несколько граждан уже заинтересованно оглядывались.

– Немедленно уезжай, – заявила я и предприняла попытку удалиться. Сергей схватил меня за руку.

– Нет, постой...

В то же мгновение в соседних кустах что-то громко зашумело. Судя по звукам, там пробирался бегемот. Но это оказалась Марья, глаза навывкате, в руках доска довольно внушительных размеров, в которую она крепко вцепилась.

– Отойди от нее, аспид! – крикнула Марья и замахнулась доской. Сергей застыл с вытаращенными глазами.

– А эта откуда? – ахнул он, понемногу приходя в себя.

– Думаешь, я не знаю твоих злокозненных планов? – наступая на него, выговаривала Марья. – Все, все я знаю. Убийца, супостат.

– Думаю, знакомить вас не надо, – ядовито улыбнулась я. – Марья, брось оружие, на нас люди смотрят, – попросила я.

Марья опустила доску и спрятала ее за спину, но и в таком положении вид имела вполне воинственный.

– Вы что... откуда она? – совершенно обалдев, обратился ко мне Сергей. – Да как вас черт свел?

– Не черт, а божье провидение, – поправила его Марья. –

Как только узнала о твоих преступных замыслах, сразу сюда. Имей в виду, она под надежной охраной, я возле нее день и ночь. И адвокатам теперь все известно, в милицию мы тоже заявление написали, так что, если ты нас убьешь, тебя сразу же посадят.

– На кой черт мне тебя убивать, юродивая? – разозлился Сергей.

– Ну, меня, может, за компанию, а жену...

– О господи... – Он очень натурально схватился за сердце. – Так вот откуда эти бредовые мысли... Симона, – позвал он, – она же совершенно сумасшедшая, все, что она тебе наговорила, – маниакальный бред, неужто ты в самом деле думаешь, что я хочу тебя убить?

– В общем-то, ты сам говорил об этом, – кашлянув, напомнила я.

– Ну, говорил... Мало ли чего не скажешь в сердцах, но поверить в такое... Сама подумай, зачем мне тебя убивать?

– А просто так, по подлости, – встряла Марья.

– Замолчи, дура! – прикрикнул на нее Сергей. – Она-то сумасшедшая, а ты? На самом деле я хочу, чтобы ты... чтобы мы... я хочу жить с тобой долго и счастливо, – наконец сформулировал он.

– Счастливо я не против, только без тебя.

– Я понимаю твою обиду, я действительно... Короче, я согласен, что вел себя не лучшим образом и...

– И дашь мне развод? – с надеждой спросила я.

– Забудь о разводе! – рывкнул он так, что и я, и даже отважная Марья с перепугу подпрыгнули. – Как у тебя совести хватает говорить об этом? – покачал он головой с таким отчаянием, что я усомнилась в собственном здравомыслии. Может, не он мне, может, это я ему ненароком изменила?

– Кто здесь говорит о совести? – пришла мне на помощь Марья. – Изменник и негодяй.

– Ты вообще молчи, чокнутая, – разозлился он.

– Я молчать не буду, я где хочешь правду скажу. Шельмец, врал, что любишь ее, на мне жениться отказывался, а я-то поверила...

– Симона, она сумасшедшая, – заволновался муж. – Мы просто когда-то жили в одном дворе, и она вообразила... Ты ведь не думаешь, что она и я... Ты только посмотри на нее, я что, по-твоему, ненормальный, чтобы запасть на такое сокровище?

Я посмотрела на Марью, которая с презрительным видом кивала в такт его словам, и вдруг подумала, что Марья мне нравится. Веснушки ей к лицу, и вообще она симпатичная, если присмотреться, конечно. Мне стало обидно за нее, и я заявила:

– Ты ее мизинца не достоин.

– Спелись, – присвистнул он с отчаянием.

– Почему это тебя удивляет? – хмыкнула Марья. – Хорошие люди должны объединяться перед лицом всемирной опасности, я имею в виду таких кровопийц, как ты.

– Я кровопийца? – ахнул Сергей. – Ну... ну, ладно. Считай, с работы ты уволена. И я позабочусь о том, чтобы тебя нигде на работу не взяли, уж можешь мне поверить.

– Не смей! – взвилась я, но муж перебил меня:

– Имей в виду, глупость заразна, свяжешься с этой сумасшедшей – оглянуться не успеешь, как сама свихнешься.

– На себя посмотри, – хмыкнула Марья. – Сукин сын, бабник...

Муж вдруг замахнулся на нее, а я до смерти перепугалась, что он ее, чего доброго, ударит, но Марья извлекла из-за спины доску, и порыв мужа тут же увял. Он резко повернулся и пошел к машине.

– Скатертью дорога! – крикнула вдогонку Марья.

Я подумала и позвала:

– Сережа, ты зачем приезжал?

Он оглянулся, сердито посмотрел и попытался вспомнить, но только махнул рукой и торопливо удалился.

– Супостат, – оставила за собой последнее слово Марья.

– Идем, – вздохнула я, и мы побрели в квартиру.

– Я теперь работы лишилась, – почесав нос кулаком, вспомнила она, а я почувствовала себя виноватой.

– Ты как во дворе оказалась? – задала я вопрос.

– Вперед тебя с остановки бежала. Не могла ж я тебя без присмотра оставить, мне сегодня крысы снились, так и шныряют, так и шныряют. Ясно, что не к добру. И ведь как в воду глядела, этот гад тут как тут.

– Слушай, может, мы все выдумываем и он совершенно не собирается...

– Ага. Разве можно верить такому типу? – Насчет веры она, конечно, права, и я приуныла.

Настроение было скверное. Чтобы отвлечься от грустных мыслей, я засела за работу, предоставив Марье возможность хозяйничать в кухне. Выгнать ее после очередного героического поступка казалось мне свинством, но так как насчет своих вещей, которые требовалось перевезти, она помалкивала, то это позволяло надеяться, что она водворилась здесь все же не навсегда.

Часов в пять раздался телефонный звонок, Марья заглянула в комнату с трубкой в руке и сказала:

– Тебя. Какой-то мужчина. Голос приятный.

Голос и впрямь был приятный.

– Симона Вячеславовна, – пропели мне в ухо, и я невольно улыбнулась, потому что, в отличие от Марьи, сразу узнала голос: звонил Андрей Петрович Гридин. Я напомнила себе, что он женат, и ответила с некоторой суровостью:

– Слушаю вас.

– Простите, что беспокою... – Далее он минут пять распинался в том же духе, пока не перешел к главному. – Вчера я разговаривал с вашим мужем. Он был поражен, когда я сообщил о ночном нападении на вас. Уверен, он был искренен и очень обеспокоен вашей безопасностью.

– Передайте ему мою благодарность, – скривилась я.

– Он собирался к вам сегодня заехать...

– Да, мы виделись.

– И что?

– Ничего хорошего.

– Я надеялся, что недоразумение...

– Он вел себя как идиот, – невежливо перебила я. – Было бы здорово, если бы он дал мне развод, раз и навсегда оставив в покое, но он об этом и слышать не желает.

– А вы уверены, что хотите развода?

– По-вашему, я сама не знаю, чего хочу?

– Ну, женщинам свойственно...

– Только не мне.

Мы разговаривали минут пятнадцать, и Андрей Петрович пообещал еще раз поговорить с Сергеем и убедить его дать согласие на развод.

Желание продолжить трудовой подвиг у меня пропало, и я, тяжело вздохнув, позвала Марию.

– Что ты там о своих вещах говорила?

Она с благодарностью во взоре поведала, что ее вещи с прежнего места жительства следует срочно забрать, и лучше всего в ночное время, чтобы не нарваться на хозяев.

За вещами мы отправились через полчаса, но все равно поездка больше напоминала партизанскую вылазку, и это позволило мне думать, что за квартиру Мария заплатит за-памятовала. Я-то надеялась, что мы отвезем ее вещи к роди-

телям, но она сказала, что травмировать их не стоит, она на днях найдет квартиру, и так жалостливо взглянула на меня, что я не оказала должного сопротивления, в результате было решено, что вещи на время останутся у меня.

По дороге домой я с грустью думала, что каким-то образом умудрилась превратить свою жизнь в сущий кошмар: муж, с которым я все никак не могу развестись, работа на дому, а теперь еще наличие сумасшедшей девицы в квартире, и конца этому не видно. Однако вскоре выяснилось, что я сильно заблуждаюсь насчет моих несчастий, по-настоящему они еще и не начинались.

Нагруженные, как верблюды, мы с Марьей подошли к родной двери и в страхе переглянулись. Дверь была открыта, то есть она, конечно, не была распахнута настежь, однако и не заперта.

– Может... – начала Марья, медленно бледнея, но я перебила:

– Не болтай глупостей, я точно помню, что запирала ее.

Ожидая самого худшего (чего конкретно, объяснить не берусь), я толкнула дверь и вошла. Ничего не произошло. Передо мной холл, и в нем не было ничего необычного. Но радоваться я не спешила, бросила сумки у порога и почему-то на цыпочках прошла дальше. Зрелище, открывшееся моим очам, способно было потрясти и менее нервную особу. Кто-то основательно потрудился в моей квартире, чтобы придать ей вид жилища после набега кочевников. Все ящики

выдвинуты, вещи разбросаны, правда, ничего не разбито. И на том спасибо.

– Что вытворяет, – ахнула Марья, схватила меня за плечо и добавила: – Крепись. Надо помолиться.

– Полицию надо вызывать! – рявкнула я и бросилась к телефону.

Дежурный посоветовал не волноваться, по возможности ничего не трогать и дожидаться сотрудников. Мы с Марьей устроились на кухне, которая менее всего пострадала от набега, и стали ждать. Через несколько минут в дверь позвонили, мы бросились открывать, надеясь, что прибыли следователи. Марья опередила меня, распахнула дверь и выпалила:

– Супостат.

И в самом деле, на пороге стоял муж. Увидев Марью, он скривился и с душевной мукой заметил:

– Опять ты.

– Конечно. Пришел полюбоваться на дело рук своих? Очень кстати, сейчас милиция приедет.

Решив, что отвечать ниже его достоинства, Сергей вошел, настороженно огляделся и присвистнул, обнаружив недавний погром.

– Это что такое?

– Он еще спрашивает! – взвилась Марья. – Совершенно совести нет. Бога ты не боишься. А он все видит и за все твои подлости воздаст. Будешь гореть в геенне огненной...

Муж отмахнулся от нее и вполне вежливо спросил:

– Симона, что случилось?

– У меня были гости в мое отсутствие. Что им тут понадобилось, понятия не имею.

– Вот сейчас менты приедут... – порадовала Марья.

Муж взглянул на нее, точно терялся в догадках, и спросил.

– Ты что же, хочешь сказать...

– Не думай, что мы на тебя управу найти не сможем! – рявкнула Марья.

Он, конечно, тоже рявкнул, и тут такое началось... В общем, орали они вдохновенно, увлекаясь все больше и больше, от взаимных упреков быстро перешли к угрозам, Марья в основном грозила божьим гневом и адскими муками, муж так далеко не заглядывал и предлагал оторвать ей голову прямо сейчас.

– Я тебя собственными руками придушу! – взревел наконец он и поперхнулся, потому что появилась родная милиция. Прибыли как раз вовремя, через минуту перепалка перешла бы в мордобой. Еще вчера я бы с уверенностью поставила на мужа, но сегодня была склонна думать, что шансы примерно равные.

– Та-ак, – протянул один из прибывших милиционеров, молодой человек бандитской наружности. Форма на нем не только не внушала доверия, а еще больше усиливала подозрения. Я бы скорее выпрыгнула в окно, чем такого в домпустила, но он уже сам вошел, потому что ни Марья, ни муж не потрудились закрыть дверь.

На счастье, рядом с типом в погонах обретался паренек в штатском, с таким румяным девичьим лицом и невинным взглядом, что перед ним, вне всякого сомнения, все двери распахивались по первой просьбе. В настоящее время тот, что в погонах, сурово оглядывался. Особую суровость его взгляд приобретал, натываясь на моего мужа. Тот, что был похож на девушку, напротив, ласково улыбался. Взгляд его успокаивал, точно говоря: «Ну, ничего, ничего, все образуется», и ему, против воли, верилось. Я даже слегка устыдилась, что побеспокоила людей по такому пустячному поводу.

– Вызывали? – спросил он ласково.

Муж и Марья замерли на полуслове, не в силах ответить, дар красноречия, должно быть, внезапно их покинул.

– Вызывала, – сообщила я, решив, что раз квартира моя, то и отвечать надлежит мне.

– Скандалите, – укоризненно заметили погоны, недобро косясь на мужа.

– Скандалим, но дело даже не в этом. Вот, полюбуйтесь, – ткнула я пальцем в комнату.

– Что притих, супостат? – съязвила Марья. – Не все коту Масленица, теперь отвечать придется.

– Так это все он? – еще больше нахмурились погоны, хотя и без того имели чудовищно грозный вид.

– Конечно, он, – убежденно ответила Марья, а муж расшвирил:

– Заткнись, пока я тебе башку не оторвал.

– Нельзя ли объяснить, что здесь вообще происходит? – шагнув ко мне, ласково осведомился тот, что в штатском.

– Вот это мой муж, – охотно начала объяснять я, – он мне изменял, и я решила с ним развестись. Развод он дать отказывается...

– И убить грозился, – встряла Марья. – Не просто ради красного словца, а договаривался с таким же христопродавцем по телефону. Я собственными ушами слышала, потому что у того христопродавца работаю.

– Уже нет, – напомнил муж.

– Это правда, он на меня настучал дружку, и тот, конечно, меня уволил.

– А вы кто? – вкрадчиво поинтересовался молодой человек.

– Это любовница моего мужа, – ответила я. Они оба одновременно моргнули, а я поспешила добавить: – Бывшая.

– Никогда этого не было, – разозлился Сергей. – Чокнутая эта жила со мной в одном дворе и постоянно цеплялась. Я ее к другу на работу пристроил, чтобы избавиться, но она и там козни строила, а теперь втерлась в доверие к моей жене и интригует.

– Я ничего не понимаю, – разозлились погоны. – Вызывали нас по какому делу?

– Неудивительно, что не понимаете, – пожалала я плечами. – Они же все время перебивают и не дают слова сказать.

Все разом замолчали и уставились на меня, что позволи-

ло мне довольно доходчиво обрисовать ситуацию, как я ее видела.

– Так кто в квартире погром учинил? – сдвинув фуражку на затылок, спросили погоны по окончании моей речи.

– Вот это вам и предстоит выяснить, – вздохнула я, очень хорошо понимая, что это ему придется не по вкусу.

– Ага, – кивнул он. – Значит, так, пиши протокол, осмотри тут все и вообще... А этого отправляем.

– Куда? – насторожилась Марья.

– Оформим на пятнадцать суток.

– Вот это правильно, – закивала она, а муж презрительно сплюнул.

– Отправил один такой, смотри, как бы погон не лишиться.

После чего оба стали звонить. Куда звонили погоны, для меня осталось тайной, а муж, вне всякого сомнения, адвокату, потому что очень скоро в моей квартире появился Андрей Петрович Гридин и с места в карьер сурово поинтересовался:

– Что здесь происходит?

Вышло так, что отвечать пришлось мне, и я, конечно, ответила. Андрей Петрович объяснил погонам, что задерживать моего супруга нет никаких оснований.

– Разбирайтесь сами, – заявили те в ответ и уехали, забыв о протоколе, а главное, по какой надобности их вызывали.

Андрей Петрович со словами «успокойся, Сережа» увел

мужа, а мы с Марьей остались в разгромленной квартире.

– Надо молиться, – убежденно сказала она, я же внесла встречное предложение:

– Давай наведем порядок. Мне в этой квартире жить, и тебе, судя по всему, тоже.

И мы приступили к уборке. Марья работала сноровисто и весело, громко пела молитвы, время от времени заглядывая в свою тетрадку, правда, чуть позднее выяснилось, что это не молитвы, а псалмы. Сдуру я спросила, в чем разница, и получила путаную лекцию примерно на час, из нее я вынесла твердое убеждение, что с богом у Марьи довольно сложные отношения, а ее сведения о нем носят весьма отрывочный характер.

Уборка подходила к концу, когда зазвонил телефон, я сняла трубку, и мужской голос вкрадчиво произнес:

– Симона Вячеславовна, вас беспокоит Яшин Олег Михайлович, адвокат, – добавил он, и я вспомнила, что это тот самый очкарик, в чьем кабинете судьба свела нас с Гридиным-сыном. – Не могли бы мы встретиться по интересующему вас делу?

Я хотела спросить, какое дело он имеет в виду, но вместо этого сказала:

– У меня в квартире погром устроили и...

– Вот-вот, об этом я и хотел поговорить. Если не возражаете, я сейчас приеду.

– Хорошо, – вяло согласилась я, теряясь в догадках.

Олег Михайлович появился в рекордно короткие сроки. Я еще не успела растолковать Марье, кто звонит и по какой нужде, а он уже возник на пороге. С момента нашей предыдущей встречи в нем произошли разительные перемены: никакого намека на сонную одурь. Олег Михайлович был энергичен до беспокойства, в очах пожар, грудь выпячивал и старался казаться выше ростом. Впрочем, коротышкой он не был.

– Я готов взяться за ваше дело, – сразу же сообщил он. – Вы правы, с мужем надо разводиться немедленно. Я завтра же соберу все необходимые бумаги. А что с квартирой? – удивился он. Во второй комнате навести порядок еще не успели, именно она и привлекла его внимание.

В третий раз за вечер поведала я свою историю. Олега Михайловича она неожиданно очень воодушевила.

– Милицию вызывали? – спросил он.

– Да, но...

– Отлично. – Он устроился в кресле, глядя на меня с отеческой улыбкой. – Симона Вячеславовна, вы оказались в очень сложном положении. Мой долг помочь вам и оградить... В общем, можете на меня рассчитывать. – Тут он вскочил, схватил мою руку и приложился к ней. – А еще я хотел сказать, что вы очень красивая женщина. Я в жизни не видел никого прекраснее, а ваш муж... он мерзавец, такой женщине невозможно изменить. Я бы лично никогда себе

этого не позволил. Теперь главное: доверять никому нельзя. Против вас заговор, да-да, не удивляйтесь. Вчера я думал, что вы... фантазируете, а теперь... теперь я всерьез опасаясь за вашу жизнь.

Послышался грохот, и Марья рухнула в кресло, выронив китайскую вазу.

– Убила бы тебя, – сказала я со вздохом, обращаясь сама не зная к кому. Однако сказанное адвокатом произвело-таки впечатление, я тоже села в кресло и попросила: – Объясните, в чем дело.

Олег Михайлович устроился на диване и с достоинством начал:

– Вчера мне довелось стать невольным свидетелем разговора между моим боссом и вашим супругом. Они не закрыли дверь, а я случайно...

– Подслушали, – подсказала я.

– Это не грех, если во спасение, – тут же встряла Марья.

– А кто говорит о грехе? – удивилась я. – Продолжайте.

– Так вот, оказавшись поблизости, я поначалу не прислушивался к разговору, потому что не имею такой привычки, – наставительно изрек он, – но тут вдруг моего уха коснулось ваше имя, имя у вас редкое, к тому же... если честно, встреча с вами произвела на меня впечатление. – Тут он неожиданно покраснел, а я нахмурилась, теряясь в догадках: то ли врать не умеет, оттого краска в лицо бросается, то ли... что он там говорил о впечатлении? Намекает на чувства? Нет уж, лучше

пусть врет как сивый мерин. – Так вот, услышав ваше имя, я поневоле заинтересовался их разговором, а когда понял, о чем идет речь... Боюсь, он действительно решил вас убить.

– Что я говорила? – невероятно обрадовалась Марья.

– А нельзя ли несколько конкретней? – попросила я.

– Честно говоря, я был так взволнован, что точно припомнить его слова не в состоянии. Но суть в следующем. Ваш супруг заявил, что никогда и ни при каких обстоятельствах развод вам не даст, для него это дело принципа. А если вы продолжите упрямиться, как он выразился, то он вас убьет. Мой босс советовал ему не увлекаться и напомнил об уголовной ответственности, на что ваш муж рассмеялся и сказал: «Найму киллера, и никто никогда не докажет», – а Гридин в ответ: «Надеюсь, ты знаешь, что делаешь». И на этого человека я работаю... Я хотел уйти уже сегодня, моя совесть не позволяет мне ежедневно пожимать руку этому, с позволения сказать, адвокату. Я уже написал заявление, и тут... – Он вновь покраснел, заставив меня всерьез разволноваться. – Тут я подумал о вас. Они полны решимости выполнить задуманное. То есть полон решимости ваш муж. А вы совершенно беззащитны.

– Ничего подобного, я на страже, – сказала Марья и неизвестно кому погрозила кулаком.

– Я принял решение повременить с увольнением до разговора с вами.

Оба уставились на меня, а я подумала и с грустью заме-

тила:

– Мой муж сошел с ума.

– Боюсь, это кое-что похуже. Не такой уж он сумасшедший, – быстро заговорил Олег Михайлович, – просто уверен в своей безнаказанности. Я навел кое-какие справки, ваш муж... он неоднократно имел трения с законом, и каждый раз избежать наказания помогал ему мой босс.

– Вот в какой вертеп мы попали, – со слезами на глазах сказала Марья. – Как нас угораздило забрести в эту контору?

– Вывеска красивая, – пожала я плечами, – вот и угораздило.

– На самом деле это был перст судьбы, – не согласился Олег Михайлович. – Теперь мы будем в курсе их планов, если я, конечно, останусь в конторе. А я останусь там, если вы сочтете это нужным.

Я подумала и согласилась, что это, без сомнения, удача – иметь своего человека в стане врагов, если уж мой муж окончательно спятил.

– Что ж, тогда предлагаю следующее: мы держим в секрете наш союз, я остаюсь в конторе и одновременно занимаюсь вашим разводом.

– Как разводом? – насторожилась Марья. – Но ведь он же ее сразу и убьет. К тому же они догадаются, что вы на нашей стороне.

– Ничего подобного, – замотал он головой, – в этом-то вся хитрость. Симона Вячеславовна официально обратилась

в нашу контору, она наш клиент. Главное, чтобы дело поручили мне, добиться этого будет нетрудно. В крайнем случае вы можете настоять, чтобы ваши интересы представлял я. Я буду делать вид, что совершенно лоялен по отношению к хозяевам, регулярно докладывать обо всех ваших планах, то есть лишь о том, что мы захотим им сообщить.

– Здорово, – обрадовалась Марья. – Они будут думать, что ты шпионишь на них, а на самом деле ты шпионишь на нас.

Олег Михайлович слегка скривился:

– Ну, если вам угодно обозначить это таким образом...

Я подумала, что ничего не мешает Олегу Михайловичу шпионить в свое удовольствие, мне лишь бы развод получить, и с легкостью дала свое согласие.

– Что ж, завтра же приступаю к работе, – заверил он. – А нельзя ли мне чашку кофе?

Как гостеприимная хозяйка я не отказала, и мы переместились в кухню. Одной чашкой не ограничились, увлеклись беседой и вскоре перешли на «ты». Марья еще до этого перешла, а мы просто последовали ее примеру. Олег оказался довольно милым парнем и, когда не строил из себя умника, выглядел даже симпатичным. Я решила, что свой адвокат – это совсем неплохо, и приободрилась.

– Жаль, что у нас нет милицейских протоколов по поводу вторжений в квартиру, – сетовал он. – Это очень бы на суде пригодилось. Как правило, суд призывает супругов одуматься, сохранить семью. Возможность показать истинное лицо

твоего мужа была бы нам на руку, но на нет и суда нет.

– Менты попались совершенные олухи, – горевала Мария. – Слушай, а какое истинное лицо в суде нужно, раз он изменщик коварный? Что ни день, то новая баба.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.